

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Шестая колонна
Там, за гранью
Утраченное наследие

Звезды мировой фантастики (Азбука)

Роберт Хайнлайн

**Шестая колонна. Там, за
гранью. Утраченное наследие**

«Азбука-Аттикус»

1941, 1942, 1969

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Хайнлайн Р. Э.

Шестая колонна. Там, за гранью. Утраченное наследие /
Р. Э. Хайнлайн — «Азбука-Аттикус», 1941, 1942, 1969 — (Звезды
мировой фантастики (Азбука))

ISBN 978-5-389-20921-3

Произведения, включенные в этот том, разные по идеям и по сюжету, объединяет период их написания: это первые годы Второй мировой войны, время тревоги за судьбу мира, за будущее и настоящее человечества, – тревоги, охватившей людей по обе стороны океана. Идея повести «Шестая колонна» навеяна автору военной экспансией Японии на Дальнем Востоке. События книги разворачиваются на территориях США, оккупированных паназиатской империей, которая уже захватила всю Евразию, включая СССР. Единственное место, куда не добрался враг, – научный центр в горах Колорадо. Оттуда-то и предстоит его сотрудникам и остаткам армии возглавить сопротивление оккупантам... Действие романа «Там, за гранью» (премия «Хьюго») перенесено в далекое будущее. Америка – центр цивилизации, общество основано на тотальном генетическом контроле и идеях либерализма. Это официальная установка. Подспудной же целью развития является выведение сверхчеловека... Повесть «Утраченное наследие» рассказывает о тайных возможностях, которые способен раскрыть в себе человек, если разум его будет задействован на все сто процентов. И о том, всем ли по нраву, если люди превратятся в полубогов... В настоящем издании перевод произведений доработан и дан в новой редакции. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-20921-3

© Хайнлайн Р. Э., 1941, 1942, 1969

© Азбука-Аттикус, 1941, 1942, 1969

Содержание

Шестая колонна	7
1	7
2	15
3	26
4	37
5	47
6	58
7	68
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Роберт Хайнлайн

Шестая колонна; Там, за гранью; Утраченное наследие

Robert A. Heinlein

SIXTH COLUMN

Copyright © 1941 by Robert A. Heinlein

BEYOND THIS HORIZON

Copyright © 1942, 1969 by Robert A. Heinlein, copyright assigned 2003 to The Robert A. & Virginia Heinlein Prize Trust

LOST LEGACY

Copyright © 1941 by Robert A. Heinlein All rights reserved

© А. Сергеев, перевод, 2002

© А. Д. Иорданский (наследник), перевод, 1994

© Н. Н. Тихонов (наследник), перевод, 1994

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство АЗБУКА®

Шестая колонна

Посвящается Джону С. Эрвину¹

1

– Что, черт возьми, здесь творится? – громко спросил Уайти Ардмор.

Никто не обратил внимания ни на его слова, ни на само его появление.

– Заткнитесь, мы слушаем, – сказал человек, сидевший у телеприемника, и увеличил громкость.

По комнате разнесся голос диктора: «...Вашингтон полностью уничтожен еще до того, как его успело покинуть правительство. Манхэттен лежит в руинах, и теперь...»

Раздался щелчок – человек выключил приемник и сказал:

– Вот и все. Соединенным Штатам крышка. – И добавил: – Сигарета у кого-нибудь есть?

Не получив ответа, он протолкался через кучку людей, столпившихся у приемника, подошел к столу, вокруг которого застыло, упершись грудью о стол, с десяток фигур, и принялся шарить у них по карманам. Это было непросто – трупное окоченение уже началось, но в конце концов он нашел полупустую пачку, достал сигарету и закурил.

– Кто-нибудь, ответьте мне, – потребовал Ардмор, – что здесь произошло?

Человек с сигаретой оглядел его с головы до ног:

– Кто вы такой?

– Майор Ардмор, разведка. А *вы* кто такой?

– Полковник Кэлхун, исследовательский отдел.

– Очень хорошо, полковник. У меня срочный приказ для вашего командира. Распорядитесь, пожалуйста, чтобы кто-нибудь доложил ему, что я здесь, и проводил меня.

В голосе его звучало плохо скрытое раздражение. Кэлхун покачал головой:

– Не могу. Он мертв.

Казалось, это сообщение доставило ему какое-то извращенное удовольствие.

– Что?

– Ну да, мертв. И другие тоже. Перед вами, мой дорогой майор, все, что осталось от личного состава Цитадели. Точнее говоря – раз уж это что-то вроде официального рапорта, – от Лаборатории специальных исследований Министерства обороны.

Он криво улыбнулся, окинув взглядом горстку людей, стоявших в комнате.

Ардмору понадобилось несколько секунд, чтобы освоиться с неожиданным поворотом событий. Потом он спросил:

– Паназиаты?

– Нет. Не паназиаты. Насколько мне известно, противник о существовании Цитадели не подозревает. Нет, это мы сами устроили. Один эксперимент прошел слишком удачно. Доктор Ледбеттер занимался поисками средства...

– Это не важно, полковник. К кому теперь перешло командование? Я должен передать приказ.

– Командование? Вы имеете в виду военное командование? Помилуйте, мы еще не успели с этим разобраться. Минутку. – Он обвел глазами комнату. – Хм. Из тех, кто здесь, старший по званию я, а больше никого не осталось. Похоже, теперь я командир.

¹ Джон Эрвин – сокурсник Хайнлайна в Академии ВМФ США. Предположительно, послужил прототипом Уайти Ардмора. – *Примеч. С. В. Голд.*

– А строевых офицеров у вас нет?

– Нет. Только специалисты. Значит, я и есть командир. Можете докладывать.

Ардмор оглядел полдюжины людей, стоявших в комнате. Они с вялым интересом следили за разговором. Как сказать им то, что он должен передать? Положение изменилось, – может быть, теперь приказ не стоит передавать вообще?

– Мне было приказано, – произнес он, тщательно подбирая слова, – сообщить вашему генералу, что он выведен из подчинения вышестоящему командованию. Ему предписано принимать решения самостоятельно и продолжать боевые действия против сил вторжения по собственному усмотрению. Видите ли, – продолжал он, – когда я двенадцать часов назад покинул Вашингтон, мы уже знали, что разбиты. Кроме интеллектуальных ресурсов, собранных в Цитадели, у нас не осталось почти никаких резервов.

– Понятно, – кивнул Кэлхун. – Несуществующее правительство послало приказ несуществующей лаборатории. Ноль плюс ноль равняется нулю. Все это было бы очень забавно – если бы только знать, когда смеяться.

– Полковник!

– Да?

– Что вы намерены предпринять?

– Предпринять? А что тут можно предпринять, черт возьми? Шесть человек против четырехсот миллионов! – И он добавил: – Чтобы все было по форме, как полагается у военных, мне, наверное, надо бы отдать приказ об увольнении из армии Соединенных Штатов для всех оставшихся и расцеловать их на прощание. А самому совершить харакири. Вы что, не понимаете? Здесь все, что осталось от Соединенных Штатов. Да и это осталось только потому, что паназиаты нас не нашли.

Ардмор облизнул губы.

– Я, очевидно, недостаточно ясно передал приказ. Вам приказано принять командование и продолжать *боевые действия*!

– Чем?

Ардмор смерил Кэлхуна взглядом:

– Пожалуй, это решать не вам. Ввиду изменившейся обстановки, согласно уставу, я, как старший по званию строевой офицер, принимаю командование над этим подразделением армии Соединенных Штатов.

Пауза продолжалась около двадцати ударов сердца. Потом Кэлхун поднялся и сделал вид, что расправляет сутулые плечи.

– Вы совершенно правы, сэр. Ждем ваших распоряжений.

«Они ждут распоряжений, – подумал Ардмор. – Быстрее шевели мозгами, Ардмор, болван ты этакий. Сам впутался в историю – что теперь будешь делать? Конечно, Кэлхун был прав, когда спросил: „Чем?“ Но нельзя же спокойно стоять и смотреть, как у тебя на глазах разваливаются остатки армии! Надо им что-то сказать – и это должно прозвучать доходчиво, по крайней мере достаточно хорошо, чтобы они держались, пока мне не придет в голову что-нибудь получше. Надо выиграть время, приятель!»

– Мне кажется, нужно сначала выяснить ситуацию здесь. Полковник, будьте добры, соберите оставшийся личный состав – ну, скажем, за этим большим столом. Так будет удобнее всего.

– Будет сделано, сэр.

Услышав приказ, все подошли к столу.

– Грэхем! И вы – как ваша фамилия? Томас, кажется? Вы двое перенесите куда-нибудь тело капитана Макалистера. Положите его пока в коридоре.

Все пришло в движение. Пока убирали труп, а оставшиеся в живых размещались за столом, впечатление нереальности происходящего понемногу рассеивалось и люди начали приходить в себя. Ардмор уже более уверенно обернулся к Кэлхуну:

– Познакомьте меня, пожалуйста, с присутствующими. Я хочу знать, кто они и чем занимаются. Ну и, конечно, имена и фамилии.

Горстка людей численностью с небольшой патруль. Жалкие остатки армии. Он ожидал найти здесь, в надежном, никому не известном подземном укрытии в Скалистых горах, самое блестящее созвездие научных талантов, какое только удавалось кому-нибудь собрать для решения определенной задачи. Даже после разгрома регулярной армии Соединенных Штатов были все основания надеяться, что двести с лишним выдающихся ученых, спрятанные в тайном убежище, о самом существовании которого противник не догадывается, и обеспеченные всем современным научным оборудованием, сумеют изобрести и привести в действие какое-нибудь новое оружие, которое со временем позволит изгнать из страны паназиатов.

Поэтому его и послали передать генералу, который командовал этой группой, приказ действовать самостоятельно, никому не подчиняясь. Но что могут сделать полдюжины людей?

Да и какие полдюжины! Доктор Лоуэлл Кэлхун, например, математик, которого из-за войны вырвали из университетской жизни и произвели в полковники. Доктор Рэндол Брукс – биолог и биохимик, получивший звание майора. Правда, на Ардмора он произвел хорошее впечатление – спокойный, сдержанный, по-видимому с сильным и уравновешенным характером. От него будет толк, к его советам надо прислушиваться.

Роберта Уилки Ардмор окрестил про себя юнцом. Он был молод, а из-за своей щенячьей неуклюжести и растрепанной шевелюры выглядел еще моложе. Занимался он, как выяснилось, радиацией и смежными областями физики, слишком мудреными для неспециалиста, и судить о том, насколько хорошо он разбирается в своей науке, Ардмор не мог. Возможно, он и гений, хотя по виду этого не скажешь.

Вот и все ученые. Оставалось еще трое срочников. Герман Шир, техник-сержант, до войны – механик и слесарь-инструментальщик, взятый в армию из исследовательского отдела компании «Эдисон Траст», где собирал точные приборы. О его специальности и квалификации свидетельствовали загорелые, сильные руки с тонкими пальцами, а глядя на его решительное лицо в глубоких морщинах и тяжелую челюсть, Ардмор решил, что такого человека хорошо иметь рядом в трудную минуту. Этот будет полезен.

Эдвард Грэхем, рядовой первого разряда, повар офицерской столовой. Тотальная война заставила его оставить профессию художника-оформителя и проявить другой свой талант – кулинарный. Ардмор не мог себе представить, для чего он может пригодиться; впрочем, готовить все равно кому-то придется.

И наконец, помощник Грэхема, рядовой Джефф Томас. Никто не знал, кем он был раньше.

– Он как-то забрел к нам, – объяснил Кэлхун, – вот и пришлось считать его призванным и оставить здесь, чтобы не раскрывать нашего расположения.

Знакомясь со своими новыми подчиненными, Ардмор все время напряженно думал о том, что же им сказать. Он знал, что сейчас требуется, – какой-нибудь старый трюк, несколько слов, которые взбодрили бы людей, как укол сильнодействующего лекарства, и подняли их угасший боевой дух. Он верил в такие вещи, потому что сам до войны занимался рекламой, пока его не призвали. Вспомнив об этом, он подумал: стоит ли говорить, что он такой же непрофессионал, как и все остальные, и только случайно попал в строевые офицеры? Нет, это неразумно: сейчас нужно, чтобы они полагались на него, как полагаются новобранцы на ветеранов.

Томас был последним в списке, и Кэлхун умолк.

«Это твой шанс, сынок, смотри не упусти его!»

И он им воспользовался, – к счастью, длинных речей не потребовалось.

– Мы должны будем продолжать выполнение нашего боевого задания в течение неопределенного времени. Я хочу напомнить вам, что мы несем ответственность за это не перед высшим командованием, которое погибло в Вашингтоне, а перед народом Соединенных Штатов, согласно Конституции. Конституцию никто не может взять в плен или уничтожить – это не просто клочок бумаги, а обязательство, которое взял на себя весь американский народ. И только американский народ может освободить нас от этого обязательства.

Так ли это на самом деле? Он не знал, потому что не был юристом; но он знал, что именно в это им сейчас нужно поверить. Он повернулся к Кэлхуну:

– Полковник Кэлхун, теперь прошу вас привести меня к присяге в качестве командира этого подразделения армии Соединенных Штатов. Я думаю, всем нам следует сейчас подтвердить свою присягу, – добавил он, как будто эта мысль только что пришла ему в голову.

В полупустой комнате гулко зазвучал хор голосов: «Я торжественно клянусь... выполнить свой долг... соблюдать и защищать конституцию Соединенных Штатов... от всех ее врагов, внутренних и внешних!»

– И да поможет мне Бог!

– И да поможет *нам* Бог!

Ардмор с удивлением обнаружил, что к концу этого представления, которое он сам же и устроил, у него по щекам потекли слезы. Он видел, что слезы показались и на глазах у Кэлхуна. Может быть, это все-таки было не просто представление?

– Полковник Кэлхун, за вами, конечно, остается научное руководство. Вы теперь второй офицер по званию, но все административные обязанности я возьму на себя, чтобы они не мешали вашей исследовательской работе. Майор Брукс и капитан Уилки будут подчиняться вам. Шир!

– Да, сэр.

– Будете находиться в распоряжении полковника Кэлхуна. Если он не сможет полностью вас загрузить, я дам вам дополнительные поручения позже. Грэхем!

– Да, сэр.

– Будете продолжать выполнять свои обязанности. Кроме того, вы назначаетесь ответственным за питание, снабжение и вообще за всю интендантскую часть. Подготовьте сегодня отчет о количестве пайков и состоянии скоропортящихся продуктов. Томас переходит в ваше подчинение, но в случае надобности любой из исследователей может вызвать его себе в помощь. Из-за этого может задержаться прием пищи, но тут ничего не поделаешь.

– Есть, сэр.

– Мы с вами и Томасом будем заниматься всем, что не имеет прямого отношения к исследовательской работе, а кроме этого, помогать ученым, чем можем, когда нужно. Я подчеркиваю, полковник, что это относится и ко мне, – сказал он, обращаясь к Кэлхуну. – Если вам понадобится лишняя пара рук, хоть и неквалифицированных, в любой момент приказываю обратиться ко мне.

– Хорошо, майор.

– Грэхем, вам с Томасом придется убрать трупы во всем здании, пока они еще не тронулись, – скажем, завтра к вечеру. Поместите их в какую-нибудь ненужную комнату и загерметизируйте ее. Шир покажет вам как. – Он взглянул на часы. – Два часа. Когда у вас был обед?

– Сегодня... Мм... сегодня обеда не было.

– Очень хорошо. Грэхем, приготовьте кофе и бутерброды и подайте сюда через двадцать минут.

– Хорошо, сэр. Джефф, на выход.

– Иду.

Когда они вышли, Ардмор снова повернулся к Кэлхуну:

– А пока, полковник, давайте пройдем в лабораторию, откуда началась катастрофа. Я все еще хочу знать, что тут у вас случилось.

Двое других ученых и Шир стояли в нерешительности, пока он кивком не пригласил их следовать за собой.

– Вы говорите, что ничего особенного не произошло – ни взрыва, ни выброса газа – и все же они умерли?

Они стояли около последней установки доктора Ледбеттера. Тело погибшего ученого все еще лежало там, где он упал. Ардмор отвел глаза и попытался понять устройство установки. Выглядела она не такой уж сложной, но ничего знакомого ему не напоминала.

– Нет, ничего не было. Только маленькое голубое пламя – оно показалось на мгновение сразу после того, как Ледбеттер включил вон тот рубильник.

Кэлхун осторожно показал на рубильник, стараясь до него не дотронуться. Обычный пружинный самовыключающийся рубильник. Сейчас он был выключен.

– Я внезапно почувствовал головокружение. Когда оно прошло, я увидел, что Ледбеттер упал, и подошел к нему, но уже ничего не мог сделать. Он был мертв, хотя никаких повреждений на теле не было.

– А я потерял сознание, – вмешался Уилки. – Может быть, и я бы не остался в живых, если бы Шир не сделал мне искусственное дыхание.

– Вы были здесь? – спросил Ардмор.

– Нет, в радиационной лаборатории, в другом конце здания. Мой руководитель погиб.

Ардмор нахмурился и подвинул к себе стул, стоявший у стены. Не успел он сесть, как какая-то маленькая серая тень стремительно пробежала по полу и скрылась за открытой дверью. «Крыса», – подумал он и хотел продолжать расспросы. Но доктор Брукс в изумлении посмотрел ей вслед и выбежал за дверь со словами:

– Подождите минуту, я сейчас!

– Не понимаю, что это с ним такое, – сказал Ардмор, ни к кому не обращаясь. Может быть, напряжение, вызванное последними событиями, оказалось чрезмерным даже для маленького сдержанного биолога?

Меньше чем через минуту Брукс вернулся так же неожиданно, как и выскочил из комнаты. Задыхаясь от быстрого бега, он с трудом выговорил:

– Майор Ардмор! Доктор Кэлхун! Джентльмены! – Он остановился и перевел дыхание. – Мои белые мыши живы!

– Да? И что с того?

– Неужели вы не понимаете? Это крайне важный факт, возможно решающий. Ни одно животное в биологической лаборатории не пострадало! Неужели вы не понимаете?

– Да, но... Ах, вот что, кажется, я... Значит, крыса осталась жива и ваши мыши не пострадали, а люди, которые были рядом, погибли?

– Конечно! Конечно! – радостно подтвердил Брукс.

– Хм... Нечто такое, что запросто убивает две сотни людей сквозь скалу и металл, но не трогает мышей и им подобных? Никогда не слышал о силе, которая могла бы убить человека и оставить в живых мышь. – Ардмор кивнул в сторону установки. – Похоже, эта штука может оказаться нам полезной, Кэлхун.

– Может, – согласился Кэлхун. – Если только мы научимся ею управлять.

– А у вас есть на этот счет сомнения?

– Ну, мы ведь не знаем, как она убивает, не имеем представления, почему она оставила в живых нас шестерых, и не понимаем, по какой причине не пострадали животные.

– Так. Что ж, по-видимому, дело именно в этом. – Ардмор еще раз взглянул на нехитрую, но такую загадочную установку. – Доктор, я не хотел бы с самого начала вмешиваться в ваши

дела, но прошу вас не включать этот рубильник, не поставив предварительно в известность меня.

Он покосился на неподвижное тело Ледбеттера на полу и поспешно отвел глаза.

За кофе с бутербродами они продолжали обсуждать положение дел.

– Значит, никто толком не знает, над чем работал Ледбеттер?

– В общем, да, – подтвердил Кэлхун. – Я помогал ему по части математики, но он же был гений, и наши ограниченные умы только приводили его в раздражение. Будь жив Эйнштейн, они еще могли бы поговорить на равных, но со всеми нами он разговаривал только о том, в чем ему была нужна помощь, или обсуждал детали, которые хотел поручить помощникам.

– Значит, вы не знаете, чего именно он хотел добиться?

– Пожалуй, можно сказать – и да и нет. Вы знакомы с общей теорией поля?

– Боже упаси, конечно нет!

– Ну, тогда нам будет трудно с вами объясняться, майор Ардмор. Доктор Ледбеттер изучал теоретически возможные дополнительные спектры...

– Дополнительные спектры?

– Ну да. Видите ли, за последние полтора столетия главные успехи физики были достигнуты в изучении всего спектра электромагнитных излучений: свет, радиоволны, рентгеновские лучи...

– Да-да, это я знаю, но что за дополнительные спектры?

– Это я и пытаюсь вам объяснить, – сказал Кэлхун с ноткой раздражения в голосе. – Из общей теории поля следует, что могут существовать по меньшей мере еще три типа спектров. Видите ли, мы знаем, что в пространстве существуют три типа энергетических полей: электрическое, магнитное и поле тяготения, или гравитационное. Свет, рентгеновские лучи и им подобные излучения – часть электромагнитного спектра. Но из теории следует, что возможны и другие аналогичные спектры: магнитогравитационные, электрогравитационные и, наконец, трехфазный спектр, объединяющий электрическое, магнитное и гравитационное поля. Каждый из них должен представлять собой совершенно новый тип спектра, а изучение его – новую область науки.

Если они действительно существуют, то, вероятно, обладают столь же характерными свойствами, что и электромагнитный спектр, но совершенно иными. Однако мы не располагаем приборами, которые могли бы регистрировать такие излучения, и даже не можем сказать, существуют ли они вообще.

– Знаете, я не специалист в этих вопросах, – заметил Ардмор, слегка нахмурившись, – и не могу с вами спорить, но мне кажется, что это похоже на поиски чего-то такого, чего вовсе не существует. Я считал, что эта лаборатория занимается одним – разработкой оружия, которое могло бы противостоять вихревым лучам и атомным ракетам паназиатов. Меня немного удивляет, что человек, которого вы, видимо, считали самым выдающимся ученым, пытался обнаружить нечто такое, в существовании чего он вообще не был уверен и свойства чего совершенно неизвестны. Мне это не кажется разумным.

Кэлхун ничего не ответил, а только бросил на него высокомерный взгляд и криво усмехнулся. Ардмор понял, что сказал что-то не то, и почувствовал, как краснеет.

– Ну да, – поспешно сказал он, – я вижу, что не прав: что бы там ни обнаружил Ледбеттер, оно прикончило две сотни человек. Значит, это потенциальное оружие – но ведь он не просто шел на ощупь в темноте?

– Не совсем, – ответил Кэлхун и продолжал, явно стараясь выбирать слова попроще: – Те самые теоретические соображения, из которых следует возможность существования дополнительных спектров, позволяют с достаточной вероятностью представить себе в общем виде их свойства. Я знаю, что сначала Ледбеттер занимался тем, что искал способы генерировать лучи,

способные притягивать или отталкивать, – это из области магнитограви-та-ционного спектра. Но в последние пару недель он выглядел очень возбужденным и радикально изменил направление работы. Он был не слишком разговорчив, и я могу судить только по тем расчетам, которые для него делал. Тем не менее, – Кэлхун достал из внутреннего кармана толстый растрепанный блокнот, – он вел подробный журнал своих экспериментов. Вероятно, мы сможем проследить за ходом его работ и догадаться, в чем состояла гипотеза, из которой он исходил.

Уилки, сидевший рядом с Кэлхуном, возбужденно спросил, подавшись к нему:

– Где вы это нашли, доктор?

– На столе у него в лаборатории. Если бы вы там посмотрели, могли бы найти это и сами.

Проигнорировав выпад, Уилки впился глазами в записи, сделанные в блокноте.

– Так это же формула излучения...

– Ну конечно. Или я, по-вашему, настолько глуп, что этого не вижу?

– Но она неправильная!

– По-вашему, может быть, и неправильная, но будьте уверены, что доктор Ледбеттер не ошибался.

Они пустились в спор, в котором Ардмор ничего не мог понять; через некоторое время, воспользовавшись паузой, он вмешался:

– Минутку, джентльмены! Я вижу, вы уже готовы приступить к работе. Что касается меня, то я теперь знаю достаточно на первое время. Насколько я понимаю, ваша ближайшая задача – проследить ход мысли доктора Ледбеттера и выяснить, для чего служит его установка, – так, чтобы при этом уцелеть самим. Правильно?

– В общем да, – осторожно согласился Кэлхун.

– Что ж, в таком случае приступайте. И держите меня в курсе дела, когда сочтете это удобным. – Он встал, остальные последовали его примеру. – Да, еще одно. Я вот о чем подумал.

– Да?

– Не знаю, насколько это важно, но мне это пришло в голову потому, что доктор Брукс придает такое большое значение истории с мышами и крысами. – Он начал загибать пальцы. – Множество людей погибло на месте. Доктор Уилки потерял сознание и чуть не умер. Доктор Кэлхун почувствовал только легкое головокружение. А все прочие, кто остался в живых, видимо, вообще ничего не ощутили, в то время как их товарищей постигла загадочная смерть. Не кажется ли вам, что это тоже полезные данные?

Он с тревогой ждал ответа, опасаясь, что ученые сочтут его слова нелепыми или тривиальными.

Кэлхун собрался ответить, но его опередил доктор Брукс:

– Ну конечно! Как же я об этом не подумал? Должно быть, у меня все в голове перепуталось. Получается градиент – закономерное различие в действии этого неизвестного фактора. – Он на мгновение умолк. – Я прошу у вас разрешения, майор, обследовать трупы наших покойных коллег и попытаться выяснить, чем они отличались от тех, кто остался в живых. Особенно от тех, на кого неизвестный фактор подействовал сильнее всего...

И он задумчиво уставился на Уилки.

– Ну уж нет! – возразил тот. – Я вам не морская свинка. Ничего не выйдет!

Ардмор не знал, всерьез он это сказал или в шутку, но решил положить конец спору.

– Детали я предоставляю вам, джентльмены. Но помните – ни в коем случае не рискуйте, не предупредив меня.

– Вы слышали, Брукси? – откликнулся Уилки.

В тот вечер Ардмор заставил себя улечься в постель исключительно из чувства долга – спать ему совершенно не хотелось. Его непосредственная задача была выполнена: он собрал осколки группы, которая называлась «Цитадель», и соорудил из них некое подобие действующей

щей организации. Он слишком устал, чтобы размышлять о том, будет ли толк от ее действий, но во всяком случае она действовала. Он внес новый смысл в их жизнь и, взяв на себя груз руководства и ответственности, дал им возможность перекладывать на его плечи свои заботы и тем самым обрести некоторую эмоциональную стабильность. Может быть, это позволит им сохранить рассудок в обезумевшем мире?

Каким будет этот безумный новый мир? Мир, где превосходство западной культуры перестало быть само собой разумеющимся, где звездно-полосатый флаг уже больше не развевается над каждым общественным зданием?

Тут ему пришла в голову еще одна мысль. Чтобы их деятельность хотя бы внешне была похожа на ведение войны, ему понадобится какая-то служба разведки. До сих пор он был озабочен одним – чтобы они снова взялись за работу, но завтра придется об этом подумать. «Завтра и подумаю», – сказал он себе, но начал думать об этом сразу же.

Служба разведки им необходима не меньше, чем новое секретное оружие. Даже больше: какое бы фантастически мощное оружие ни удалось создать, продолжая исследования доктора Ледбеттера, оно не принесет пользы, если не знать, где и когда его применить, чтобы поразить противника в самое уязвимое место. До нелепости слабая военная разведка всегда была отличительной чертой Соединенных Штатов. Самая могучая нация планеты неизменно начинала свои войны вслепую, как великан с завязанными глазами. Взять хотя бы то, что произошло сейчас: атомные бомбы Паназии были ничуть не мощнее, но американцев застали врасплох, и они так и не смогли их применить.

Сколько их было? Где-то Ардмор слышал, что тысяча. Точной цифры он не знал, но паназиаты ее, безусловно, знали. Они знали, сколько в Соединенных Штатах бомб, где они хранятся. И войну они выиграли не с помощью своего секретного оружия, а благодаря своей разведке. Впрочем, секретное оружие Паназии тоже оказалось вполне эффективным – особенно из-за того, что оно было действительно секретным. Так называемая разведка армии Соединенных Штатов потерпела очередную неудачу.

«Ну что ж, Уайти Ардмор, теперь все в твоих руках! Можешь организовать любую разведывательную службу, какую только твоей душе угодно, – для этого у тебя есть трое близоруких кабинетных ученых, пожилой техник-сержант, двое рядовых из кухонного наряда и ты сам. Критиковать легко – но если ты такой умный, почему тогда ты не богатый?»

Он встал, подумав, что надо принять снотворное, но вместо этого выпил стакан теплой воды и снова лег.

«Предположим, что мы создадим действительно новое мощное оружие. Эта штука, которую придумал Ледбеттер, выглядит многообещающе, если только мы научимся с ней обращаться, – но что дальше? Один человек не может управлять летающим крейсером – он даже не сумеет поднять его в воздух. А шесть человек не смогут одержать верх над целой империей, даже если обуть их в семимильные сапоги и вооружить каждого лучом смерти. Как там говорил Архимед? „Дайте мне рычаг достаточной длины и точку опоры, и я переверну Землю“. Ну и где у нас точка опоры? Оружие – не оружие, если нет армии, которая может привести его в действие».

Он погрузился в беспокойный сон, и ему приснилось, будто он болтается на конце длиннейшего рычага и не может ничего сделать, потому что опорой для рычага служит пустота. То он сам был Архимедом, то Архимед оказывался рядом и принимался издеваться над ним, скривив в злобной гримасе раскосое азиатское лицо.

2

В следующие две недели на долю Ардмора выпало множество разнообразных хлопот, и времени у него хватало только на самые необходимые дела. Было решено исходить из того, что их группа – *и в самом деле* военная организация, а значит, в один прекрасный момент им предстоит дать отчет в своих действиях гражданским властям. Из этого следовало, что Ардмор должен был выполнять – или, по крайней мере, создавать видимость, что выполняет – все законы и положения, касающиеся документации, денежной отчетности, материального учета и прочего в том же духе. Про себя он считал все это пустой и бессмысленной тратой времени; однако, занимаясь рекламой, он стал психологом-самоучкой, понимая интуитивно, что человек живет символами. И сегодня, как никогда, эти символы существования властей имели решающее значение.

Поэтому он, изучив должностные инструкции покойного начальника финансового отдела, тщательно подсчитал, сколько жалованья причиталось каждому из погибших на момент смерти и сколько следует выплатить его наследникам «государственными денежными знаками Соединенных Штатов». При этом он с грустью подумал о том, будет ли эта аккуратная формулировка что-нибудь значить в обозримом будущем. Но он продолжал этим заниматься и поручил второстепенные административные обязанности каждому из своих людей, чтобы они видели, что обычный порядок вещей все еще соблюдается.

Канцелярской работы было слишком много для одного человека. Ардмор выяснил, что Джефф Томас, которого он назначил помощником повара, довольно бегло печатает на машинке и хорошо разбирается в цифрах. И Ардмор приспособил его к этой работе. В результате Грэхем обнаружил, что ему приходится трудиться за двоих, и попытался выразить недовольство, но Ардмор решил, что это ему только полезно: без блох собака скучает. Необходимо было добиться, чтобы каждый из его подчиненных к вечеру валился с ног от усталости.

Томас пригодился и для другой цели. Ардмор, с его легко возбудимым характером, постоянно нуждался в собеседнике. Томас оказался человеком неглупым и многое понимающим, и их беседы понемногу становились все откровеннее. Конечно, командиру не полагается откровенничать с рядовым, однако Ардмор инстинктивно чувствовал, что Томас не обманет его доверия, а психологическая разрядка была ему необходима.

Но вскоре Кэлхун заставил Ардмора отвлечься от мелких повседневных дел и заняться более серьезной проблемой. Он явился, чтобы попросить разрешения включить установку Ледбеттера, немного переделанную с учетом их последних предположений, но при этом задал еще один нелегкий вопрос:

– Майор Ардмор, не можете ли вы мне объяснить, как вы намерены использовать «эффект Ледбеттера»?

Этого Ардмор не знал и вместо ответа спросил:

– А разве вы уже настолько продвинулись, что этот вопрос стал для вас актуален? Если да, не могли бы вы дать мне хоть какое-то представление о том, что вы уже выяснили?

– Это будет несколько затруднительно, – ответил Кэлхун слегка покровительственным тоном, – поскольку я не смогу пользоваться языком математики, на котором, вообще говоря, только и можно выразить...

– Ну что вы, полковник! – перебил его Ардмор, раздраженный сильнее, чем он мог бы себе признаться, его сдерживало лишь присутствие рядового Томаса. – Скажите мне просто, в состоянии ли вы убить этой штукой человека? И можете ли вы проконтролировать, кого она убьет, а кого нет?

– Это слишком упрощенная постановка вопроса, – возразил Кэлхун. – Тем не менее мы полагаем, что новая установка будет действовать направленно. Результаты, полученные док-

тором Бруксом, позволили ему предположить, что существует асимметрическое соотношение между действием установки и живым объектом, на который оно направлено, – что некое свойство, присущее данной жизненной форме, определяет как степень воздействия на нее, так и сам характер такого воздействия. Другими словами, воздействие есть функция всех факторов, включая особенности данной жизненной формы, а также параметров самого воздействия, так что...

– Полегче, полегче, полковник. Что все это означает применительно к оружию?

– Это означает, что можно направить установку на двух человек и решить, кого из них она убьет, – при условии, что мы научимся ею управлять, – раздраженно ответил Кэлхун. – Во всяком случае, мы так полагаем. Уилки вызвался управлять ею, а объектом будут мыши.

Ардмор дал разрешение на эксперимент, поставив условие, что все меры предосторожности и все ограничения будут соблюдены. Кэлхун ушел, и он снова принялся размышлять над тем, что же делать с этим оружием, если оно все-таки будет создано. Для этого нужна информация, которой он не располагал. «Черт возьми, разведка просто необходима – я *должен* знать, что происходит снаружи!»

Об ученых, конечно, речи быть не может. Шир тоже отпадает: без его помощи ученым не обойтись. Грэхем? Нет. Готовит он хорошо, но характер у него слишком нервный, взбалмошный, неуравновешенный – кто-кто, а он в шпионы не годится. Остается только сам Ардмор. Его этому обучали – ему и идти в разведку.

– Да нет, нельзя вам это делать, сэр, – услышал он голос Томаса.

– А? Ты о чем?

Он понял, что, сам того не заметив, начал разговаривать сам с собой – это случалось, когда он оказывался в одиночестве или в обществе Томаса, молчаливое присутствие которого ничуть не мешало его размышлениям.

– Вы же не можете бросить свою часть, сэр. Я уж не говорю, что это не положено по уставу. Но – если вы позволите мне высказать свое мнение, сэр, – все, что вы до сих пор сделали, тут же развалится.

– Почему? Меня не будет всего несколько дней.

– Видите ли, сэр, может быть, несколько дней оно и продержится, хотя я не уверен. Кто останется за командира, пока вас не будет?

– Полковник Кэлхун, конечно.

– Ах вот что... Ну еще бы!

Поднятые брови и ироническая интонация Томаса свидетельствовали о том, что только субординация не позволяет ему высказать свое истинное мнение.

Ардмор понимал, что Томас прав. Он убедился, что во всем, помимо своей науки, Кэлхун – самовлюбленный, надутый, склочный старый осел. Ему уже приходилось улаживать недоразумения, вызванные высокомерием профессора. Шир согласился продолжать работать с Кэлхуном только после того, как Ардмор долго с ним беседовал, успокаивая его и взывая к его чувству долга.

Ему вспомнилось, как он когда-то работал пресс-секретарем у одной известной и весьма популярной проповедницы. Должность называлась «директор по связям с общественностью», но две трети времени уходило у него на то, чтобы разбираться в скандалах, вызванных сварливым характером святоши.

– И потом вы же не можете гарантировать, что вернетесь через несколько дней, – настаивал Томас. – Это дело очень опасное. Если вас убьют, заменить вас здесь будет некому.

– Да нет, вы преувеличиваете, Томас. Незаменимых людей не бывает.

– Сейчас не время для ложной скромности, сэр. Может быть, вообще оно и верно, но только не в этом случае, вы же понимаете. Выбирать особо не из кого, а вы единственный, кому мы все согласны подчиняться. Единственный, между прочим, кому согласен подчиняться

доктор Кэлхун. Потому что вы умеете с ним ладить. Больше никто этого не сможет, а он не способен ладить ни с кем.

– Ну знаете, Томас...

Томас промолчал, и через некоторое время Ардмор продолжал:

– Хорошо, допустим, что вы правы. Но мне нужны разведанные. А откуда они у меня возьмутся, если я сам за ними не отправлюсь?

Томас немного помедлил, потом тихо сказал:

– Я мог бы попробовать.

– Вы?

Ардмор взглянул на Томаса. «А почему, в самом деле, я о нем не подумал? Может быть, потому, что на вид он не из тех, кому поручают такие дела? И еще потому, что он рядовой: если задание рискованное и требует самостоятельных действий, его не положено поручать рядовому. И все-таки...»

– А вам когда-нибудь приходилось заниматься чем-то в этом роде?

– Нет, но мой опыт может пригодиться для такой работы.

– Ах да, Шир мне кое-что о вас говорил. До того как попасть в армию, вы же, кажется, были бродягой?

– Нет, не бродягой, – мягко поправил его Томас. – Я был хобо.

– Простите, а разве есть разница?

– Бродяга – это попрошайка, паразит, человек, который не желает работать. Хобо – это странствующий поденщик, которому свобода дороже, чем обеспеченность. Он зарабатывает себе на жизнь, но не хочет быть привязанным к одному месту.

– А, понимаю. Хм... Да, очень может быть, что вы-то как раз приспособлены к работе разведчиком. Чтобы вести такую жизнь, наверное, нужна изрядная смекалка и большая изворотливость. Но погодите, Томас... До сих пор я о вас всерьез не задумывался, а ведь мне необходимо побольше о вас знать, чтобы доверить вам такое задание. Ведь по вашему поведению не скажешь, что вы были хобо.

– А как должен вести себя хобо?

– Что-что? Ну ладно, не важно. Но вы должны рассказать кое-что о себе. Как получилось, что вы стали хобо?

Ардмор видел, что ему впервые удалось вызвать на откровенность этого обычно замкнутого человека. Томас долго колебался, потом ответил:

– Должно быть, все дело в том, что мне не нравилось быть адвокатом.

– Что?

– Ну да. Вот как это получилось. Из адвокатов я перешел в социальное страхование. Когда я там работал, мне пришла в голову мысль написать статью о рабочих-мигрантах, и я решил, чтобы получше изучить предмет, испытать на себе условия, в которых живут эти люди.

– А, понимаю. И в тот момент, когда вы занимались сбором материала, вас загребли в армию.

– О нет, – возразил Томас. – К этому времени я жил так уже лет десять, даже больше. Я не стал возвращаться. Видите ли, я понял, что мне нравится быть хобо.

Вскоре все было готово. Никакого снаряжения Томас брать не стал – только попросил выдать ему одежду, в которой он был, когда забрел в Цитадель. Ардмор предложил взять спальный мешок, но Томас об этом и слышать не хотел.

– Это выпадает из образа, – объяснил он. – Я не из тех, кто таскается с котомкой: они грязнули, ни один уважающий себя хобо с ними дела иметь не станет. Меня нужно только как следует накормить и дать с собой немного денег.

Задание, которое он получил, было не слишком определенным.

– Для меня важно все, что вы сможете увидеть или услышать, – сказал Ардмор. – Охватите как можно большую территорию, но постарайтесь вернуться в течение недели. Если вас не будет дольше, я буду считать, что вы убиты или попали в тюрьму, и придется придумывать что-нибудь еще.

Используйте любую возможность, чтобы наладить постоянное поступление к нам информации. Я не могу посоветовать вам ничего конкретного, но прошу вас постоянно об этом помнить. Теперь о том, что нас интересует. Все и вся про паназиатов: как они вооружены, как работает их полиция на оккупированной территории, где находятся штабы и особенно главное командование. Может быть, вам удастся хотя бы приблизительно прикинуть, сколько их и как они распределены по стране. Работы хватит на год, не меньше, но все равно возвращайтесь через неделю.

Ардмор показал Томасу, как открывается снаружи один из входов в Цитадель: два такта из «Янки Дудль» – и в скале, которая на первый взгляд казалась сплошной, появляется дверь. Ничего особо хитрого, но азиаты вряд ли до этого додумаются.

В конце концов Ардмор попрощался с Томасом и пожелал ему удачи. При этом он обнаружил, что Томас припас для него еще один сюрприз: пожимая ему руку, он сделал это особенным образом – так, как положено члену студенческой организации, к которой принадлежал и Ардмор! Массивная дверь за ним давно уже закрылась, а Ардмор еще долго стоял, пытаясь привести мысли в порядок.

Обернувшись, он увидел позади себя Кэлхуна. У него почему-то появилось такое ощущение, будто его поймали на краже варенья.

– Здравствуйтесь, доктор, – быстро сказал он.

– Здравствуйтесь, майор, – медленно произнес Кэлхун. – Могу ли я спросить, что тут происходит?

– Конечно. Я только что послал лейтенанта Томаса в разведку.

– Лейтенанта?

– Исполняющего обязанности лейтенанта. Мне пришлось поручить ему задание, которое не соответствует его прежнему званию, и я счел нужным его повысить и соответственно увеличить его жалованье.

Кэлхуна, по-видимому, не удовлетворило это объяснение, и он тем же слегка ироничским тоном спросил:

– Я полагаю, вы отдаете себе отчет в том, насколько рискованно посылать кого бы то ни было за пределы Цитадели? Это подвергает опасности нас всех. Я несколько удивлен, что вы приняли такое решение, не посоветовавшись с остальными.

– Если вы так считаете, мне очень жаль, полковник, – ответил Ардмор примирительно. – Но мне так или иначе приходится постоянно принимать решения, а в нашем положении важнее всего, чтобы ничто не отвлекало вас от вашей чрезвычайно важной исследовательской работы. Эксперимент уже завершен? – поспешно продолжал он.

– Да.

– Ну и как?

– Результат положительный. Мыши сдохли.

– А Уилки?

– О, он, разумеется, невредим. Как я и предполагал.

Джефферсон Томас, бакалавр искусств, magna cum laude² Калифорнийского университета и бакалавр права юридического факультета Гарвардского университета, по роду занятий – хобо, затем рядовой и помощник повара, а ныне исполняющий обязанности лейтенанта раз-

² Диплом с отличием. – Примеч. С. В. Голд.

ведки армии Соединенных Штатов, провел первую ночь вне Цитадели, дрожа от холода на гряде сосновых веток там, где его застала темнота. Ранним утром он заметил поблизости какую-то ферму. Там его накормили, но постарались как можно скорее выпроводить.

– Того и гляди сюда явится кто-нибудь из этих язычников и начнет совать нос куда не надо, – извиняющимся тоном сказал хозяин. – Я не хочу, чтобы меня арестовали за укрывательство беженцев, – на мне жена и дети.

Тем не менее он проводил Томаса до большой дороги, не умолкая ни на минуту: природная общительность превозмогла даже осторожность. Казалось, он испытывает мрачное удовольствие, смакуя случившуюся катастрофу.

– Один Бог знает, что ждет моих ребятишек, когда они вырастут. Иногда по ночам мне приходит в голову, не лучше ли одним махом положить конец всем их горестям. Но Джесси – это моя хозяйка – говорит, что грех об этом даже думать, что надо положиться на волю Господа, рано или поздно Он о нас вспомнит. Может быть, и так – только я знаю одно: не улыбается мне растить ребенка для того, чтобы потом им помыкали эти макаки. – Он сплюнул. – Не по-американски это.

– А что полагается за укрывательство беженцев?

Фермер удивленно посмотрел на него:

– Да где ты был все это время, приятель?

– В горах. Я еще ни одного сукина сына и в глаза не видел.

– Увидишь. Погоди, значит, у тебя нет номера? Так ты лучше получи номер. Хотя нет, ничего у тебя не выйдет: как только объявишься, тут же загремишь в трудовой лагерь.

– Номер?

– Регистрационный номер. Вот такой.

Он достал из кармана запечатанную в прозрачный пластик карточку и показал Томасу. На карточке были приклеены не очень четкая, но в общем узнаваемая фотография фермера, его отпечатки пальцев и напечатаны адрес, род занятий, семейное положение и прочие данные, а сверху стоял многозначный номер, разделенный черточками на несколько частей. Фермер ткнул в него корявым пальцем:

– Вот эта первая часть – мой номер. Он означает, что ихний император разрешает мне оставаться в живых, дышать воздухом и ходить по земле, – с горечью сказал он. – Вторая часть – это серия, она означает, где я живу и чем занимаюсь. Если вздумаю уехать из нашего округа, я буду обязан ее поменять. А если захочу поехать в какой-нибудь другой город, не в тот, куда мне предписано ездить за покупками, я обязан получить специальный разовый пропуск. И теперь я вас спрашиваю: как можно так жить?

– Я бы не смог, – согласился Томас. – Ну что ж, пожалуй, мне пора отправляться, пока вы из-за меня не попали в беду. Спасибо за завтрак.

– Не за что. Сейчас помочь другому американцу – одно удовольствие.

Томас быстро зашагал по дороге, чтобы добрый фермер не заметил, как сильно на него подействовало то, что он услышал. Знать, что Соединенные Штаты потерпели поражение, – это одно, а увидеть воочию регистрационную карточку – совсем другое. Рассказ фермера глубоко потряс его свободолюбивую душу.

Первые два-три дня он передвигался осторожно, держась подальше от городов, пока не освоился с новыми порядками и не научился вести себя так, чтобы не вызывать подозрений. По крайней мере в один большой город он должен был проникнуть – нужно было почитать доски объявлений, найти случай поболтать с людьми, профессия которых позволяла им разъезжать по стране. Если бы речь шла только о его личной безопасности, он рискнул бы войти в город и без всякой регистрационной карточки, но он отчетливо помнил, как Ардмор снова и снова говорил: «Самая важная ваша задача – вернуться назад! Не стройте из себя героя. Не рискуйте без особой надобности, и самое главное – *возвращайтесь!*»

Так что с визитом в город придется подождать.

По ночам Томас бродил по окрестностям городов, избегая встреч с патрулями, как раньше – с железнодорожными полицейскими. На вторую ночь он обнаружил первую из своих целей – пристанище бродяг. Оно находилось там, где он и рассчитывал его найти по своему прежнему опыту. Тем не менее он чуть было его не проглядел: костра там не оказалось, а вместо него была убогая печурка, кое-как сооруженная из железной бочки, и спрятана так, что со стороны и не заметишь.

Вокруг печурки сидели люди. Томас уселся, не говоря ни слова, как требовал обычай, и дал себя как следует разглядеть.

Скоро какой-то унылый голос произнес:

– Да это же Джентльмен Джефф! Ну ты даешь, Джефф, – напугал меня до смерти. Я думал, это какой-нибудь плоскомордый. Что подельываешь, Джефф?

– Да так, ничего особенного. Прячусь.

– Все мы нынче прячемся, – сказал голос. – Куда ни плюнь, везде эти косоглазые... – И он разразился длинной цепочкой проклятий, затрагивающих родителей паназиатов и такие их личные качества, с которыми он вряд ли имел случай сталкиваться.

– Кончай, Моу, – повелительно сказал другой голос. – Какие новости, Джефф?

– К сожалению, не знаю, – вежливо ответил Джефф. – Я был в горах – уклонился от призыва и ловил себе рыбу. – Надо было тебе там и оставаться. Сейчас везде стало совсем плохо. Никто не решается взять человека на работу, если он не зарегистрирован. Все время только и смотришь, как бы не угодить в трудовой лагерь. По сравнению с этим та облава, когда повсюду гонялись за красными, – просто пикник.

– Расскажите мне про трудовые лагеря, – попросил Джефф. – Может быть, я рискну туда попроситься, если совсем оголодаю.

– Ты себе не представляешь, что это такое. Меня туда *никакой* голод не загонит. – Голос Моу ненадолго умолк, как будто его обладатель погрузился в невеселые размышления. – Ты знал Кида из Сиэтла?

– Кажется, знал. Такой маленький, с косым глазом, на все руки мастер?

– Он самый. Так вот, он пробыл в лагере с неделю, а потом вышел оттуда. Как вышел, он и сам не знал: ему все мозги отшибли. Я видел его в ту ночь, когда он помер. Весь был в язвах, – должно быть, заражение крови. – Моу помолчал и задумчиво добавил: – А уж воняло от него...

Томас был бы рад перевести разговор на другую тему, но нужно было разузнать как можно больше.

– А кого посылают в эти лагеря?

– Всякого, кто не работает там, где ему велено. Мальчишек начиная с четырнадцати лет. Всех, кто уцелел из военных, после того как мы накрылись. Каждого, кого поймают без регистрационной карточки.

– Это еще не все, – добавил Моу. – Ты бы видел, что они делают с женщинами, которые остались без работы. Тут мне только вчера одна кое-что рассказала – отличная тетка, между прочим, поесть мне дала. У нее была племянница, учительница в школе, а плоскомордые все американские школы прикрыли, и никакие учителя им не нужны. Так они ее зарегистрировали, а потом...

– Кончай, Моу. Слишком много болтаешь.

Сведения, которые удавалось раздобыть Томасу, были отрывочными и бессвязными, тем более что ему редко представлялся случай задать прямые вопросы о том, что его действительно интересовало. Тем не менее у него понемногу складывалась картина систематического и пла-

номерного порабощения нации, беспомощной, парализованной, неспособной защищаться, со средствами сообщения, целиком попавшими в руки завоевателей.

Повсюду он видел растущее возмущение, яростную решимость восстать против тирании, но все такие попытки были разрозненными, несогласованными, а люди, в сущности, безоружными. Вспыхивавшие время от времени мятежи оказывались столь же безрезультатными, как суета муравьев в разрушенном муравейнике. Да, паназиата тоже можно убить, и находились люди, готовые стрелять в каждого из них, кто попадался навстречу, невзирая на неизбежность собственной гибели. Но им связывала руки еще большая неизбежность жестокого и многократного возмездия, направленного против их соотечественников. В таком же положении оказались евреи в Германии, перед тем как разразилась война: дело было не в личном мужестве, а в том, что за каждое выступление против угнетателей приходилось немислимо дорогой ценой расплачиваться другим – мужчинам, женщинам, детям.

Но больше, чем людские страдания, которые он видел и о которых слышал, его угнетали рассказы о планомерном уничтожении американской культуры как таковой. Школы были закрыты. Печатаь на английском языке не разрешалось ни единого слова. Можно было предвидеть, что всего поколение спустя письменность будет утрачена и английский язык останется лишь устным говором бесправных рабов, которые никогда не смогут поднять восстание в масштабе округа или страны из-за полного отсутствия средств коммуникации.

Даже приблизительно оценить численность азиатов, находившихся на территории Соединенных Штатов, было невозможно. Говорили, что на западное побережье каждый день прибывают транспорты с тысячами чиновников, по большей части ветеранов присоединения Индии. Трудно было сказать, можно ли их рассматривать как пополнение оккупационной армии, которая захватила страну и теперь поддерживала в ней порядок, но было очевидно, что они заменят тех мелких служащих из числа белых, которые пока еще помогали оккупационной администрации под дулом пистолета. Когда эти белые служащие будут устранены, организовать сопротивление станет еще труднее.

В одном из пристанищ, где собирались бродяги, Томасу удалось найти человека, который помог ему проникнуть в город.

Этот человек, по прозвищу Петух – фамилия неизвестна, – строго говоря, не принадлежал к числу бродяг, он только скрывался среди них, оплачивая приют мастерством своих рук. Старый анархист, он претворял в жизнь собственные убеждения, изготавливая очень похожие банкноты Федеральной резервной системы, не имея на то разрешения Министерства финансов. Кое-кто утверждал, что он получил свое прозвище от имени – Питер, другие были убеждены, что дело в пристрастии, которое он питал к бумажным пятеркам: «Делать мельче – не стоит того, а крупнее – опасно».

По просьбе бродяг он сделал для Томаса регистрационную карточку.

– Самое главное тут, сынок, – это номер, – говорил он Томасу, наблюдавшему, как он работает. – Большинство азиатов, с кем тебе придется иметь дело, читать по-английски не умеют, так что мы можем написать что угодно. Даже «У Мэри был барашек» – и то сойдет. То же самое и с фотографией: для них все белые на одно лицо.

Он достал из своего чемоданчика пачку фотографий и начал их перебирать, близоруко щурясь сквозь толстые очки.

– Вот, выбери сам, какая больше на тебя похожа, ее мы и приклеим. А теперь номер...

Обычно руки у него тряслись, как у паралитика, но, когда он брался за дело, движения его становились точными и уверенными. Цифры, которые он выводил тушью на карточке, не отличались от печатных. Это было тем более удивительно, что работал он в самых первобытных условиях, без всяких точных инструментов и приспособлений. Томас понял, почему шедевры старика доставляли столько хлопот банковским кассирам.

– Готово! – объявил он наконец. – Я написал тебе такой номер серии, как будто ты зарегистрировался сразу после вторжения, а личный номер дает тебе право разъезжать по всей стране. Там еще написано, что ты негоден для тяжелой работы и тебе разрешено заниматься мелочной торговлей или побираться. Для них это одно и то же.

– Большое спасибо, – сказал Томас. – А теперь... Мм... Сколько я вам за это должен?

Петух посмотрел на него так, как будто он сказал что-то неприличное:

– Нечего об этом говорить, сынок! Деньги – зло, из-за них люди становятся рабами.

– Прошу прощения, сэр, – от всей души извинился Томас. – Тем не менее я бы хотел как-нибудь вас отблагодарить.

– Вот это другое дело. Помогай своим братьям, когда сможешь, и тебе помогут в случае нужды.

Философия старого анархиста показалась Томасу путаной, бестолковой и непрактичной, но он подолгу с ним беседовал: старик знал о паназиатах больше, чем все, с кем приходилось ему встречаться до сих пор. По-видимому, Петух ничуть их не боялся и был уверен, что всегда перехитрит кого угодно. Вторжение произвело на него, казалось, меньшее впечатление, чем на остальных. В сущности, оно не произвело на него вообще никакого впечатления – непохоже было, чтобы он испытывал горечь или ненависть к поработителям. Сначала Томасу не верилось, что этот добрый человек может проявлять такое равнодушие, но понемногу он понял, что старый анархист считал незаконными любые власти, что для него все люди *действительно* братья, а различия между ними – всего лишь количественные. В глазах Петуха паназиатов не за что было ненавидеть: они просто заблуждались больше других и заслуживали всего лишь жалости.

Такого олимпийского безразличия Томас не разделял. Для него паназиаты были людьми, которые угнетают и истребляют его когда-то свободный народ. «Хороший паназиат – мертвый паназиат, – говорил он себе, – и так будет до тех пор, пока последний из них не окажется по ту сторону Тихого океана. А если в Азии их слишком много, пусть позаботятся о сокращении рождаемости». И все-таки спокойное беспристрастие Петуха во многом помогло Томасу разобратся в положении.

– Ты ошибаешься, если думаешь, что паназиаты *плохие*, – говорил Петух. – Они не плохие, они просто *другие*. Все их высокомерие – от комплекса расовой неполноценности. Это такая коллективная паранойя, из-за которой они постоянно убеждают самих себя, что желтый ничуть не хуже белого, а куда лучше, и стараются доказать это нам. Запомни, сынок, больше всего на свете они хотят, чтобы к ним проявляли уважение.

– Но откуда у них этот комплекс неполноценности? Мы же не имели с ними дела на протяжении двух поколений – со времени Закона о необщении.

– Неужели, по-твоему, это достаточный срок, чтобы все изгладилось из расовой памяти? Ведь корни-то уходят в девятнадцатый век. Помнишь, как двум японским чиновникам пришлось совершить почетное самоубийство, чтобы стереть с себя позор, когда коммодор Перри заставил японцев открыть страну для иностранцев? Сейчас за эти две смерти мы расплачиваемся жизнями тысяч американских чиновников.

– Но паназиаты – это же не японцы.

– Да, но и не китайцы тоже. Это смешанная раса, сильная, гордая и плодовитая. Американцы считают, что у них сочетаются недостатки обеих рас и нет их достоинств. А по-моему, они просто люди, которые поверили в древнее заблуждение, что государство – это такое сверхсущество. «Ich habe einen Kameraden»³. Как только ты поймешь, что... – И тут он пустился в бесконечные рассуждения, представлявшие собой причудливую смесь взглядов Руссо, Рокера,

³ У меня есть товарищ (нем.). – Примеч. С. В. Голд.

Торо и многих других подобных им авторов и показавшиеся Томасу любопытными, но неубедительными.

Тем не менее споры с Петухом помогли Томасу лучше понять, что представляет собой противник, о котором американский народ из-за Закона о необщении почти ничего не знал. Томас лишь с трудом припоминал самые главные исторические вехи.

В то время, когда был принят Закон о необщении, он всего-навсего юридически закрепил фактическое положение дел. Советизация Азии уже давно куда успешнее, чем любое решение конгресса США, положила конец присутствию в Азии иностранцев, и американцев – в первую очередь. Томас никак не мог понять, какие туманные соображения заставили тогда членов конгресса счесть, будто принятие закона, всего лишь подтверждающего то, что уже сделали комиссары, способно поднять авторитет и достоинство Соединенных Штатов, – это была какая-то страусиная политика. Должно быть, они решили, что закрыть глаза на существование Красной Азии будет дешевле, чем вести с ней войну.

Более полувека такая политика, казалось, оправдывала себя: войны не было. Сторонники этой меры доказывали, что даже Советской России не так просто будет проглотить Китай и что, пока она будет его переваривать, Соединенным Штатам война не грозит. В этом они были правы – но в результате принятия Закона о необщении мы повернулись к ним спиной и не заметили, как Китай переварил Россию... Америка оказалась лицом к лицу с системой, еще более чуждой западному образу мыслей, чем даже советская, на смену которой она пришла.

Пользуясь поддельной регистрационной карточкой и советами Петуха насчет того, как должен вести себя раб, Томас наконец осмелился проникнуть в один городок поменьше. Там искусство Петуха почти сразу же подверглось испытанию.

На углу Томас остановился почитать наклеенное на стену объявление. Это оказался приказ всем американцам ежедневно в восемь вечера находиться у телевизионных приемников, чтобы не пропустить распоряжений властей, которые могут их касаться. Ничего нового тут не было: приказ был издан несколько дней назад и о нем Томас уже слышал. Он собрался уже идти дальше, когда почувствовал режущую боль от сильного удара по спине. Он круто повернулся и увидел перед собой паназиата в зеленой форме гражданской администрации с гибкой тростью в руках.

– С дороги, бой! – Он говорил по-английски, но как-то нараспев, с интонациями, совершенно не похожими на привычное американское произношение.

Томас сразу же сошел с тротуара на мостовую («Они любят, когда ты смотришь на них снизу вверх, а они на тебя сверху вниз», – говорил Петух.) и сложил руки вместе, как положено. Склонив голову, он сказал:

– Господин приказывает, слуга подчиняется.

– Так-то лучше, – удовлетворенно сказал азиат. – Покажи карточку.

Хотя он говорил довольно отчетливо, Томас не сразу его понял – может быть, потому, что впервые оказался в роли раба и никак не ожидал, что это так на него подействует. Он с трудом сдерживал ярость.

Трость с размаху опустилась на его лицо.

– Покажи карточку!

Томас достал свою регистрационную карточку. Пока азиат ее разглядывал, Томас успел до некоторой степени взять себя в руки. В этот момент ему было все равно, признают ли карточку подлинной или нет: в случае чего он просто разорвал бы этого типа на кусочки голыми руками.

Однако все обошлось. Азиат нехотя протянул ему карточку и зашагал прочь, не зная, что был на волоске от смерти.

В городе Томас не узнал почти ничего такого, чего не слышал бы от бродяг раньше. Он смог только прикинуть, какую часть населения составляют завоеватели, и своими глазами убе-

даться, что школы закрыты, а газеты исчезли. Он с интересом отметил, что службы в церквях все еще отправляются, хотя все прочие собрания белых людей в сколько-нибудь значительном количестве строго запрещены.

Но больше всего его потрясли мертвые, ничего не выражающие лица людей и молчаливые дети. Он решил, что с этих пор будет ночевать только в пристанищах бродяг, за пределами городов.

В одном из пристанищ Томас встретил старого приятеля. Фрэнк Рузвельт Митсуи был таким же американцем, как Уилл Роджерс, то есть гораздо большим американцем, чем английский аристократ Джордж Вашингтон. Его дед привез жену, наполовину китаянку, наполовину маори, из Гонолулу в Лос-Анджелес, где завел питомник и растил там цветы, кустарники и желтокожих детишек, которые не говорили ни по-китайски, ни по-японски и ничуть об этом не горевали.

Отец Фрэнка встретился с его матерью Телмой Вонг – белой, но с примесью китайской крови – в Интернациональном клубе Университета Южной Калифорнии. Он увез ее в Импириэл-Вэлли и купил ей уютное ранчо, взяв ипотеку. К тому времени, когда появился Фрэнк, ипотека была выплачена.

Джефф Томас на протяжении трех сезонов нанимался к Фрэнку Митсуи убирать салат и дыни и знал его как хорошего хозяина. Он почти подружился со своим работодателем – уж очень ему нравилась орава смуглых ребяташек, которые для Фрэнка были важнее любого урожая. Тем не менее, увидев в пристанище плоское желтое лицо, Томас весь ошетинился и даже не сразу узнал старого приятеля.

Оба чувствовали себя неловко. Хотя Томас прекрасно знал Фрэнка, он сначала не мог заставить себя довериться человеку восточного происхождения. Только глаза Фрэнка в конце концов его убедили: в них он прочел страдание еще более жестокое, чем в глазах белых людей, – страдание, которое не покинуло их и тогда, когда Фрэнк, улыбнувшись, пожал ему руку.

– Вот не ожидал, Фрэнк, – брякнул Джефф, не подумав. – Оказывается, и ты здесь? Я думал, уж тебе-то поладить с новым режимом будет легко.

Фрэнк Митсуи грустно посмотрел на него и, казалось, не знал, что ответить.

– Что это ты несешь, Джефф? – вмешался кто-то из бродяг. – Не знаешь, что ли, что они делают с такими, как Фрэнк?

– Нет, не знаю.

– Так вот, слушай. Ты скрываешься. Если тебя спадают – попадешь в трудовой лагерь. Фрэнк тоже скрывается. Но если спадают *его*, ему крышка – без всяких разговоров. Пристрелят на месте.

– Да? А что ты сделал, Фрэнк?

Митсуи печально покачал головой.

– Ничего он не сделал, – продолжал бродяга. – Американоазиаты ихней империи не нужны. Они таких ликвидируют.

Все оказалось очень просто. Жившие на тихоокеанском побережье японцы, китайцы и им подобные не вписывались в схему, в которой было место только для господ и рабов. Особенно это относилось к полукровкам. Они угрожали стабильности системы. Следуя своей холодной логике, завоеватели вылавливали их и уничтожали.

– Когда я добрался до дома, – рассказывал Фрэнк Томасу, – все были мертвы. Все. Моя маленькая Ширли, малыш, Джимми, крошка – и Алиса тоже.

Он закрыл лицо руками и зарыдал. Алиса была его женой. Томас помнил эту смуглую, крепкую женщину в комбинезоне и соломенной шляпе, которая очень мало говорила, но много улыбалась.

– Сначала я хотел покончить с собой, – продолжал Митсуи, немного успокоившись. – Потом передумал. Два дня прятался в канаве, потом ушел в горы. Там какие-то белые чуть не убили меня, прежде чем я убедил их, что я на их стороне.

Томас мог представить себе, как это было, и не знал, что сказать. Фрэнку не повезло вдвойне, надеяться ему не на что.

– Что собираешься теперь делать, Фрэнк?

Томас увидел, как лицо его осветила вновь обретенная воля к жизни.

– Потому-то я и не позволил себе умереть! По десять за каждого. – Он один за другим загнул четыре пальца. – По десять этих исчадий ада за каждого из ребятишек – и двадцать за Алису. Потом, может быть, еще десять за себя, а там можно и умирать.

– Хм... Ну и как, получается?

– Пока тринадцать. Дело идет медленно – приходится действовать только наверняка, чтобы меня не убили раньше, чем я с ними рассчитаюсь.

Томас долго размышлял, как воспользоваться тем, что он узнал, для достижения собственных целей. Такая непоколебимая решимость могла оказаться полезной, если направить ее в нужную сторону. Но только несколько часов спустя он снова подошел к Митсуи и тихо сказал:

– А не хотел бы ты увеличить свою норму? Не по десять, а по тысяче за каждого – и две тысячи за Алису.

3

Охранная сигнализация у входа в Цитадель предупредила Ардмора о появлении там постороннего задолго до того, как Томас просвистел перед дверью мелодию-пароль. Ардмор сидел у телевизора, не сводя глаз с экрана и не снимая пальца с кнопки, готовый мгновенно уничтожить любого непрошеного гостя. У него отлегло от сердца, когда он увидел, что в Цитадель входит Томас, но он снова насторожился, обнаружив, что тот не один. Паназиат! Повинуясь невольному импульсу, Ардмор чуть не уничтожил обоих, но в последний момент сдержался: а не привел ли Томас пленного на допрос?

– Майор! Майор Ардмор! Это я, Томас.

– Стойте и не двигайтесь! Оба!

– Все в порядке, майор. Он американец. Я за него ручаюсь.

– Возможно. – Голос, звучавший из динамика, оставался угрюмым и подозрительным. –

Но все равно – разденьтесь догола. Оба.

Они разделись. Томас в досаде кусал губы, Митсуи весь дрожал от волнения. Он ничего не понимал и решил, что попал в западню.

– Теперь медленно повернитесь кругом, я вас осмотрю, – приказал голос.

Убедившись, что оружия при них нет, Ардмор велел обоим стоять неподвижно, а сам по внутреннему телефону вызвал Грэхема:

– Грэхем!

– Да, сэр.

– Немедленно явиться в караульную.

– Но, майор, я сейчас не могу. Обед должен быть готов через...

– Черт с ним, с обедом! Быстро сюда!

Когда Грэхем явился, Ардмор показал ему на экран и объяснил, что происходит.

– Идите к ним. Обоим – руки за спину и сразу наденьте наручники. Сначала азиату. Пусть сам приблизится к вам – и смотрите в оба. Если попытается на вас наброситься, мне, возможно, придется прикончить и вас заодно. – Не нравится мне все это, майор, – возразил Грэхем. – Ведь Томас свой, он не сделал ничего такого.

– Ну конечно, солдат, я прекрасно знаю, что он свой. Но он может быть под наркотиком или, скажем, запуган. Может быть, это что-то вроде троянского коня. Так что идите и делайте, что приказано.

Пока Грэхем осторожно выполнял не слишком приятное поручение – вполне заслужив тем самым награду, потому что, наделенный живым воображением художника, ярко и наглядно представлял себе возможную опасность и вынужден был собрать все свое мужество, – Ардмор позвонил Бруксу.

– Доктор, вы не можете сейчас прервать свою работу?

– Пожалуй, могу. Да, вполне. Что от меня требуется?

– Зайдите ко мне в кабинет. Томас вернулся. Я хочу знать, не находится ли он под действием наркотиков.

– Но я ведь не врач...

– Знаю, только никого более подходящего у нас нет.

– Хорошо, сэр.

Доктор Брукс заглянул Томасу в зрачки, проверил его коленный рефлекс, посчитал пульс.

– Я бы сказал, что он совершенно нормален, только очень устал и волнуется. Разумеется, это не полноценный диагноз. Если бы у меня было время...

– Спасибо, пока этого достаточно. Томас, я надеюсь, вы не обидитесь на меня за то, что мы подержим вас взаперти, пока будем беседовать с вашим приятелем-азиатом? – Конечно, не обижусь, майор, – ответил Томас, криво улыбнувшись. – Вы ведь все равно это сделаете.

Когда Брукс ввел шприц в вену Фрэнку Митсуи, тот вздрогнул и весь покрылся потом, но руку не отдернул. Вскоре средство подействовало: действия Фрэнка уже не подчинялись его сознанию, а речевые центры мозга освободились от контроля коры. Лицо его расслабилось, на нем появилось умиротворенное выражение.

Но оно исчезло несколько минут спустя, когда начался допрос. Не смогли сохранить спокойствие и те, кто его допрашивал. Неприкрашенная, жестокая правда, звучавшая в его словах, никого не оставила бы равнодушным. Глубокие морщины пролегли на лице Ардмора. О чем бы ни спрашивали этого несчастного маленького человека, он постоянно возвращался к рассказу о своих убитых детях и разоренном доме. В конце концов Ардмор не выдержал:

– Дайте ему противоядие, доктор. Я больше не могу это выносить. Я узнал все, что нужно.

Когда Фрэнк окончательно пришел в себя, Ардмор торжественно пожал ему руку.

– Мы рады, что вы с нами, мистер Митсуи. Мы найдем для вас дело, которое поможет вам свести с ними счеты. Сейчас я попрошу доктора Брукса дать вам снотворное, чтобы вы проспали часов шестнадцать, а потом мы приведем вас к присяге и подумаем, каким образом вы могли бы принести нам побольше пользы.

– Я не хочу спать, мистер... майор.

– Тем не менее вы поспите. И Томас тоже, как только обо всем доложит. Больше того... – он на секунду умолк и взгляделся в бесстрастное на вид лицо Митсуи, – вы будете принимать по таблетке снотворного каждый вечер. Это приказ. Я сам буду выдавать вам таблетку, и вы будете принимать ее у меня на глазах, перед тем как лечь спать.

У военной дисциплины есть и положительные стороны. Ардмор не мог бы вынести мысли о том, как этот маленький желтокожий человек каждую ночь лежит с открытыми глазами, глядя в потолок.

Брукс и Грэхем явно хотели бы остаться и послушать рапорт Томаса, но Ардмор сделал вид, что не замечает этого, и отпустил их. Он хотел сначала вникнуть в добытую информацию сам.

– Так вот, лейтенант, я чертовски рад, что вы вернулись.

– Я тоже рад, что вернулся. Вы, кажется, сказали «лейтенант»? А я думал, теперь мне возвращается прежнее звание.

– Это почему же? Больше того, я собираюсь изобрести какой-нибудь повод и произвести в офицеры Грэхема с Широм. Нам здесь будет куда проще жить, когда все будут в одинаковом ранге. Но это между прочим. Давайте послушаем, чего вам удалось добиться. Я полагаю, теперь вам все уже ясно, и сейчас вы выложите передо мной на стол исчерпывающее решение наших проблем, перевязанное ленточкой?

– Ну навряд ли, – улыбнулся Томас и расслабился.

– Я на это и не надеялся. Но если говорить серьезно и строго между нами, мне надо бы предпринять что-нибудь эффективное, и как можно скорее. Научный персонал уже начинает на меня наседавать, особенно полковник Кэлхун. Какой, к дьяволу, смысл в том, что они могут делать всякие чудеса в лаборатории, если я не сумею придумать никакого способа перевести эти чудеса на язык стратегии или тактики?

– А они в самом деле так далеко продвинулись?

– Вы удивитесь, но они вцепились в этот так называемый эффект Ледбеттера и носятся с ним, как терьер с крысой в зубах. Сейчас они могут с его помощью делать все, что угодно, кроме разве что одного – картошку чистить.

– В самом деле?

– В самом деле.

– А что, например, они могут сделать?

– Ну, скажем... – Ардмор перевел дух. – Честно говоря, не знаю, с чего начать. Уилки пытался объяснить мне все попроще, но я, признаться, понял только половину. Можно сказать так – они открыли способ управлять атомами. Нет, речь идет не о расщеплении атома, не об искусственной радиоактивности. Смотрите. Мы говорим, что существуют пространство, время и вещество, так?

– Да. Но есть еще эта идея Эйнштейна о единстве пространства и времени.

– Разумеется, о ней написано во всех школьных учебниках. Но у них это получилось *на самом деле*. У них выходит, что и пространство, и время, и масса, и энергия, и излучение, и тяготение – все это разные способы представлять себе нечто *единое*. И стоит только разобраться в том, как работает что-нибудь одно, сразу получаешь ключ ко всему остальному. Если верить Уилки, то все физики до самого последнего времени, даже после того, как появилась атомная бомба, только и делали, что всего лишь отщипывали кусочки с краю. У них были зачатки единой теории поля, но они сами в нее по-настоящему не верили и действовали так, будто все это совершенно разные вещи.

Ледбеттер догадался, что такое на самом деле излучение, и благодаря этому Кэлхун с Уилки получили ключ ко всей остальной физике. Вы поняли? – добавил Ардмор с улыбкой.

– Не очень, – сознался Томас. – А вы не могли бы сказать, как они это применяют на практике?

– Ну, прежде всего, тот первичный эффект Ледбеттера, от которого здесь погиб почти весь личный состав, – Уилки считает, что это всего лишь случайное побочное явление. Брукс говорит, что полученное излучение повлияло на коллоиды живых тканей: у тех, кто погиб, они коагулировали. Но с таким же успехом это излучение можно использовать, чтобы высвободить энергию поверхностного натяжения. Только вчера они таким способом взорвали полкило говяжьей вырезки – взрыв был, как от динамитной шашки.

– Да ну?

– Правда. Только не спрашивайте меня, как они это сделали, я просто повторяю то, что мне было рассказано. Суть в том, что они, кажется, поняли, как устроено вещество. Они могут взрывать его – иногда – и использовать энергию взрыва. Они могут превращать один химический элемент в другой. Они, по-моему, убеждены, что знают, с какого конца подойти, чтобы понять природу тяготения, и тогда они смогут обращаться с ним так же, как мы сейчас обращаемся с электричеством.

– Я думал, что по современным представлениям тяготение – это не вид энергии.

– Правильно, но в единой теории поля сама «энергия» – не энергия. Черт возьми, это очень трудно объяснить на человеческом языке. Уилки говорит, что это можно описать только математически.

– Ну раз так, то мне, должно быть, придется примириться с тем, что я ничего не понимаю. Но, откровенно говоря, я удивлен, что им удалось так быстро зайти так далеко. Ведь это меняет все наши представления. У меня просто в голове не укладывается: ведь, чтобы дойти от Ньютона до Эдисона, понадобилось сто пятьдесят лет, а эти парни добились результатов всего за несколько недель!

– Я и сам удивляюсь. Мне это приходило в голову, и я даже спросил Кэлхуна. Он изобразил из себя ужасно умного и объяснил мне, как школьнику, что те первопроходцы просто-напросто не знали тензорного исчисления, векторного анализа и матричной алгебры и в этом все дело.

– Может быть, так оно и есть, – пожал плечами Томас. – У нас, на юридическом, этому не учили.

– У нас тоже, – признался Ардмор. – Я попробовал было посмотреть их расчеты. Я знаю алгебру и немного учил высшую математику, но уже много лет их в руки не брал и, конечно, ничего не понял. Похоже на санскрит: множество непонятных значков, и даже те, которые знаешь, означают что-то совсем другое. Вот смотрите – я полагал, что «а», умноженное на «b», всегда равно «b», умноженному на «а».

– А разве нет?

– То-то и оно, что у них все не так. Но мы отвлеклись. Рассказывайте, что вы узнали.

– Слушаюсь, сэр.

Джефф Томас рассказывал долго, стараясь как можно обстоятельнее описать, что он видел, слышал и чувствовал. Ардмор слушал, не перебивая, и только изредка задавал вопросы, чтобы уточнить какую-нибудь подробность. Когда Томас закончил, Ардмор помолчал немного, а потом сказал:

– Наверное, мне подсознательно хотелось, чтобы вы вернулись и сообщили что-нибудь такое, после чего все встало бы на свои места и было бы ясно, что делать. Но то, что вы рассказали, не слишком обнадеживает. Я не вижу, как отвоевать обратно страну, которая полностью парализована и находится под таким тщательным контролем.

– Но я видел не все. Я был всего в двухстах милях отсюда, не больше.

– Да, но ведь вы многое слышали от других хобо, которые побывали во всех концах страны?

– Да.

– И все говорили примерно одно и то же. Я думаю, мы можем считать, что то, что вы видели, подтверждается тем, что вы слышали, и в итоге картина получается довольно близкая к истине. Насколько свежей, по-вашему, была та информация, которую вы получили из вторых и третьих рук?

– Ну, если речь идет о новостях с восточного побережья, то им дня три-четыре, не больше.

– Должно быть, так и есть. Новости всегда передаются кратчайшим путем. Все это, конечно, не слишком радует. И все-таки... – Он умолк и озадаченно нахмурился. – И все-таки у меня такое чувство, что вы сказали что-то такое, что может стать ключом к решению всех проблем. Никак не могу сообразить, что это было. Пока вы говорили, у меня мелькнула в голове идея, но я отвлекся и потерял нить.

– Может быть, мне начать сначала? – предложил Томас.

– Да нет, в этом нет необходимости. Завтра я прослушаю с начала до конца всю запись, если только до этого не вспомню сам.

Их прервал повелительный стук в дверь.

– Войдите! – крикнул Ардмор.

На пороге появился полковник Кэлхун:

– Майор Ардмор, что там за история с пленным паназиатом?

– Это не совсем так, полковник. У нас здесь действительно находится один человек азиатского происхождения, но он американец.

Кэлхун не обратил внимания на его слова.

– Почему мне об этом не сообщили? Я давно уже поставил вас в известность о том, что мне для экспериментов срочно необходим человек монгольской расы.

– Доктор, нас здесь слишком мало, чтобы соблюдать все формальности. Со временем вы бы так или иначе об этом узнали – и на самом деле вы, похоже, каким-то образом *были* проинформированы об этом.

Кэлхун сердито засопел:

– Случайно, из разговоров моих подчиненных!

– Извините, полковник, но тут уж ничего не поделаешь. Как раз сейчас Томас докладывает мне о том, что он выяснил.

– Очень хорошо, сэр, – ледяным голосом произнес Кэлхун. – Не откажите в любезности сейчас же прислать ко мне этого азиата.

– Я не могу это сделать. Он спит после приема снотворного, и вы сможете с ним увидеться не раньше, чем завтра. Кроме того, хоть я и не сомневаюсь, что он пойдет нам навстречу и согласится участвовать в любом эксперименте, тем не менее он не пленный, а американский гражданин и лицо, которое мы взяли под свою защиту. Нам придется это с ним обсудить.

Кэлхун вышел так же порывисто, как и вошел.

– Джефф, – задумчиво произнес Ардмор, глядя ему вслед, – я хочу сказать вам неофициально – сугубо неофициально! – что, если когда-нибудь наступит время, когда мы не будем связаны воинской дисциплиной, я тут же съезжу этому старому мерзавцу по физиономии!

– А почему бы вам его не приструнить?

– Не могу, и он это прекрасно знает. Он бесценен и незаменим. Для наших исследований нужны его мозги, а мозги нельзя мобилизовать, просто отдавая приказы. Но вы знаете, хоть он и гений, но я иногда подозреваю, что он немного не в себе.

– Очень может быть. Зачем ему так понадобился Фрэнк Митсуи?

– Ну, это связано с его работой. Они доказали, что первичный эффект Ледбеттера зависит от свойств жизненной формы, на которую он действует, – это что-то вроде ее собственной частоты. Такая собственная частота, или длина волны, есть как будто у каждого человека. На мой взгляд, это немного отдает астрологией, но доктор Брукс говорит, что так оно и есть и это даже не ново. Он показал мне статью одного типа из Лондонского университета по фамилии Фокс – она была напечатана еще в сорок пятом, – так вот этот Фокс показал, что у каждого кролика гемоглобин имеет свою характерную длину волны: из всего спектра он поглощает именно эту волну, и никакую другую. По этому признаку – по спектру поглощения гемоглобина – можно отличить одного кролика от другого или кролика от собаки.

Доктор Фокс попробовал проделать то же самое с человеком, но ничего не получилось: оказалось, что существенных различий в длине волн нет. Но Кэлхун и Уилки соорудили спектроскоп для того спектра, с которым работал Ледбеттер, и там ясно видно, что у каждой пробы человеческой крови – своя длина волны. Значит, если они построят излучатель, который можно будет настраивать, и начнут двигаться по шкале частот вверх или вниз, то, когда дойдет дело до вашей индивидуальной частоты, ваши красные кровяные тельца начнут поглощать энергию, молекулы гемоглобина разрушатся – бац! – и вы мертвы! А я буду стоять рядом с вами и останусь жив и даже невредим, потому что мою частоту они не затронут. Так вот, у Брукса появилась идея, что эти частоты сгруппированы в соответствии с расовой принадлежностью. Он думает, что можно будет настраиваться на ту или иную расу – например, прикончить в толпе всех азиатов, а белых не тронуть, или наоборот.

– Ну и ну! – Томас зябко повел плечами. – Вот это будет оружие!

– Да еще какое! Пока все это только на бумаге, но они хотят испытать его на Митсуи. Насколько я понимаю, убивать они его не собираются, но это будет чертовски опасно. Для него.

– Фрэнк не откажется рискнуть, – заметил Томас.

– Я тоже так считаю. – Ардмор подумал, что Митсуи, может быть, даже лучше умереть быстрой и безболезненной смертью в лаборатории. – Теперь вот что. Мне представляется, что с помощью ваших приятелей-хобо, с их источниками информации, мы могли бы наладить что-то вроде постоянной разведывательной службы. Давайте-ка поговорим о том, как это сделать.

Пока ученые проверяли свои гипотезы о связи между расовой принадлежностью и усовершенствованным эффектом Ледбеттера, Ардмор получил несколько дней передышки и смог всерьез подумать о том, как применить новое оружие для военных целей. Однако ничего при-

думать он не смог. Да, оружие получилось могучее, и даже не одно оружие, а много, потому что вновь открытые силы, казалось, так же многолики, как и электричество. Можно было почти не сомневаться, что, будь год назад в распоряжении вооруженных сил Соединенных Штатов то, что теперь создали ученые Цитадели, страна не потерпела бы поражения.

Но шесть человек не могут одержать верх над целой империей. Во всяком случае, с помощью грубой силы. Императору ничего не стоит пожертвовать шестью миллионами солдат, чтобы одолеть шестерых. Орды завоевателей, даже ничем не вооруженные, обрушатся на них, как лавина, и погребут под горами мертвых тел. Чтобы применить новое оружие, Ардмору нужна была армия.

Вопрос заключался в том, как ее набрать и обучить.

Определенно, паназиаты не станут спокойно смотреть, как он собирает силы по всей стране. Организованный ими тщательный полицейский надзор за населением свидетельствовал о том, что они прекрасно понимают, чем им грозит мятеж, и готовы пресечь любую его попытку, прежде чем она разрастется до опасных размеров.

Остаются, правда, скрывающиеся от них хобо. Он спросил Томаса, нельзя ли использовать их для ведения военных действий. Но тот покачал головой:

– Вы, командир, не понимаете, что такое хобо. Из сотни их и одного такого не найти, кто мог бы строго соблюдать дисциплину, а без этого тут не обойтись. Представьте себе даже, что вы дали каждому по излучателю, – я не говорю, что это возможно, но допустим, – и все равно у вас будет не армия, а непослушная толпа.

– Разве они не станут драться?

– Ну конечно станут. Но каждый будет драться сам по себе. Каждый перебьет множество плоскомордых, но в конце концов один из них застанет его врасплох и прикончит.

– А сбор информации им можно доверить?

– Это другое дело. Большинство и знать не будет, что их для этого используют. Я сам отберу десяток, не больше, которые станут моими связными, да и тем скажу ровно столько, сколько им нужно знать.

Ардмор все больше убеждался в том, что, с какой стороны ни посмотреть, прямое боевое применение нового оружия выглядело нецелесообразным. Лобовая атака хороша только тогда, когда хватает живой силы. Легко было генералу Гранту говорить: «Я буду драться на этой позиции, даже если придется простоять на ней все лето», – он мог терять по три солдата за каждого убитого противника и все-таки победить. Но для командира, который не может позволить себе потерять даже *одного-единственного* человека, такая тактика не подходит. Остается одно: военные хитрости и демонстрации, обманные маневры и удары врасплох, бей и беги. «Остаться в живых сегодня, чтоб завтра сразаться вновь», – вспомнилась ему строчка из полузабытого стихотворения. Да, это то, что нужно. Придумать что-нибудь совершенно неожиданное, такое, чтобы паназиаты и не подозревали об опасности, пока не станет поздно.

Это должно быть что-то вроде «пятой колонны», которая подточила демократические страны Европы изнутри в те трагические дни, что завершились окончательным падением европейской цивилизации. Но это будет не «пятая колонна» предателей, стремящихся парализовать свободную страну, а нечто противоположное – «шестая колонна» патриотов, почетной задачей которой будет подорвать боевой дух завоевателей, их уверенность в себе, внушить им страх.

А сделать это можно только с помощью военной хитрости!

Когда Ардмор пришел к такому выводу, на душе у него немного полегчало. В этом он кое-что понимал, не зря всю жизнь занимался рекламой. До сих пор он пытался найти военное решение, но какой из него военный? И нечего было изображать из себя фельдмаршала. Его мозг работает иначе. В первую очередь он видит в текущей ситуации проблему эффективной рекламы. Здесь все решает психология толпы. Когда-то его начальник, у которого он учился

рекламному ремеслу, говорил: «Дайте мне достаточно денег и не связывайте руки, и я уговорю даже санитарного врача купить у меня партиюдохлых кошек».

Ну хорошо, руки у него не связаны, денег хватает. Конечно, использовать газеты и все остальные привычные каналы рекламы теперь нельзя, но что-нибудь наверняка удастся придумать. Вопрос в том, как нащупать слабое место паназиатов и найти способ подействовать на него с помощью новых машинок Кэлхуна. Подействовать так, чтобы им стало тошно, чтобы они сами запросились домой.

Никакого определенного плана у него не было. А когда человек не знает, что предпринять, он обычно созывает совещание. Ардмор так и сделал.

Он вкратце изложил ситуацию, повторив все то, что сообщил ему Томас и что удалось почерпнуть из «учебных» телепрограмм, которые передавали завоеватели. Потом он коснулся тех возможностей, которые открываются благодаря исследованиям научного персонала, и разных вариантов их использования в военных целях, специально подчеркнув, что для эффективного применения нового оружия необходимы люди. Закончил он тем, что попросил всех высказывать свои предложения.

– Правильно ли я понял, майор, – начал Кэлхун, – что, после того как вы демонстративно объявили нам, что сами будете принимать все решения военного характера, теперь вы предлагаете нам сделать это за вас?

– Все нет, полковник. Я по-прежнему несу ответственность за все принимаемые решения, но это совершенно необычная ситуация, и любая идея, от кого бы она ни исходила, может оказаться очень полезной. Я себя не переоцениваю и не считаю, что один здесь наделен здравым смыслом или способен оригинально мыслить. Я хотел бы, чтобы каждый из нас предложил что-нибудь на общее обсуждение.

– А у вас есть какой-нибудь собственный план, который вы можете нам предложить?

– Свои соображения я изложу после того, как выскажутся остальные.

– Ну хорошо, сэр. – Доктор Кэлхун встал. – Раз вы об этом просите, я скажу вам, как, по моему мнению, следует поступить в такой ситуации, – и я убежден, что это единственное возможное решение.

Вы знаете, как могучи те силы, которые мне удалось поставить нам на службу. – (Ардмор заметил, как при этих словах Уилки поджал губы.) – В своем резюме вы их, пожалуй, даже недооценили. У нас здесь, в Цитадели, есть десяток скоростных разведывательных воздушных машин. Если оборудовать их энергетическими установками Кэлхуна, они будут превосходить в скорости любое воздушное средство противника. Мы поставим на них самые мощные излучатели и начнем наступление. Располагая таким огромным превосходством в вооружении, мы поставим на колени всю Паназиатскую империю – это будет только вопрос времени!

«Как может человек быть настолько близоруким?» – подумал Ардмор, но спорить не стал, сказав только:

– Благодарю вас, полковник. Я прошу подробно изложить ваш план в письменном виде. А пока не хочет ли кто-нибудь развить предложение полковника или выдвинуть какие-нибудь возражения? – Он немного подождал, в надежде, что кто-то попросит слова, потом добавил: – Ну, высказывайтесь! Ведь идеальных решений не бывает. Наверняка у вас есть чем этот план хотя бы дополнить.

Первым решился Грэхем:

– А сколько раз в день вы собираетесь приземляться, чтобы перекусить?

– Что за глупости! – отрезал Кэлхун, прежде чем Ардмор успел вмешаться. – Я считаю, что сейчас неподходящее время для шуток.

– Подождите минутку! – возразил Грэхем. – Это не шутка, я вполне серьезно. В конце концов, такое как раз по моей части. Эти машины-разведчики могут продержаться в воздухе без посадки не так уж долго, и мне кажется, что потребуется довольно много времени, чтобы

отвоевать Соединенные Штаты с помощью дюжины разведывательных машин, даже если мы найдем достаточно людей, чтобы держать их в воздухе все время. Значит, время от времени им придется возвращаться на базу, чтобы поесть.

– Да, и это означает, что все это время мы должны защищать базу от нападения, – внезапно вставил Шир.

– Базу можно защитить с помощью излучателей, – раздраженно сказал Кэлхун. – Майор, я вынужден просить вас прекратить обсуждение подобных нелепых замечаний.

Ардмор потер рукой подбородок и промолчал. Рэндол Брукс, который до сих пор внимательно слушал, вытащил из кармана клочок бумаги и начал что-то быстро на нем чертить.

– Доктор Кэлхун, мне кажется, в том, что говорит Шир, есть некоторый смысл. Посмотрите – вот тут база. Паназиаты могут окружить ее своими воздушными кораблями за пределами досягаемости излучателей. Скорость наших машин-разведчиков тут не имеет значения, потому что противник может использовать для блокады сколько угодно воздушных кораблей и не пропустит их к базе. Правда, на них будут стоять боевые излучатели, но нельзя же вести бой сразу с сотней воздушных кораблей. К тому же не забудьте, что паназиаты тоже хорошо вооружены.

– Вы правы, и они очень хорошо вооружены, – добавил Уилки. – Нельзя допустить, чтобы расположение базы стало им известно. Своими ракетами они сровняют эту гору с землей, если узнают, что мы под ней прячемся.

Кэлхун резко встал:

– Я не намерен больше оставаться здесь и выслушивать пораженческие рассуждения малодушных недоучек. Составляя свой план, я исходил из того, что выполнять его будут *настоящие* мужчины.

И он с надменным видом вышел.

Ардмор сделал вид, что не заметил его ухода, и поспешно продолжал:

– Возражения, которые были здесь высказаны против предложения полковника Кэлхуна, на мой взгляд, могут относиться к любому плану прямых, открытых боевых действий в нашей текущей ситуации. Я обдумывал несколько таких планов и отказался от них примерно из тех же соображений – хотя бы из-за трудностей с материальным обеспечением. Тем не менее, возможно, мне просто не пришел в голову какой-нибудь вполне реальный вариант. Может ли кто-нибудь предложить такой способ ведения прямых боевых действий, который не подвергал бы риску личный состав?

Никто не ответил.

– Очень хорошо. Если такое предложение у кого-нибудь появится позже, прошу об этом сообщить. А пока мне представляется, что мы вынуждены действовать хитростью. Если *сейчас* мы не можем сразиться с противником в открытую, значит нужно его дурачить до тех пор, пока это не станет возможным.

– Понятно, – согласился доктор Брукс. – Как на корриде – махать у быка под носом красной тряпкой, чтобы он не заметил шпаги.

– Вот именно. Если бы только это было так же просто! Нет ли у кого какой-нибудь идеи – как нам использовать то, что у нас есть, но чтобы они при этом не могли сообразить, кто мы, где находимся и сколько нас? А пока вы это обдумываете, я возьму тайм-аут, чтобы выкурить сигарету.

Через некоторое время он добавил:

– Имейте в виду, что у нас имеются два реальных преимущества. Во-первых, противник, по-видимому, не догадывается о нашем существовании. А во-вторых, наше оружие покажется им совершенно необычным и даже загадочным. Это вы, Уилки, говорили, что эффект Ледбеттера похож на колдовство?

– Ну еще бы, командир! Могу смело сказать, что, если не считать приборы в наших лабораториях, не существует никакого способа обнаружить те силы, с которыми мы работаем. Никто даже не поймет, *что* происходит. Это то же самое, что пытаться слушать радиоволны своими ушами.

– Вот это я и имел в виду. Для них это будет загадка. Как для индейцев, когда они впервые повстречались с огнестрельным оружием белого человека: они умирали, не понимая отчего. Подумайте об этом. Теперь я буду молчать, а вы говорите.

Первое предложение высказал Грэхем.

– Майор!

– Да?

– А что, если нам заняться похищением людей?

– Это как?

– Ну, вы сами говорили, что нужно их запугать. Что, если устроить небольшую вылазку с излучателем Ледбеттера? Отправиться ночью на машине-разведчике и выкрасть какую-нибудь важную персону, может быть даже самого наследного принца? Вышибить излучателем дух из всякого, кто попадется нам навстречу, зайти и захватить его?

– Что вы можете об этом сказать, джентльмены? – спросил Ардмор, решив пока не высказывать свое мнение. – По-моему, в этом что-то есть, – заметил Брукс. – Я предложил бы настроить излучатели так, чтобы они не убивали, а только погружали в бессознательное состояние на несколько часов. Мне кажется, психологический эффект будет сильнее, если они потом очнутся и увидят, что их предводитель исчез. Никаких воспоминаний о том, что происходило за это время, у них не останется – Уилки и Митсуи могут это подтвердить.

– А зачем ограничиваться одним наследным принцем? – спросил Уилки. – Мы могли бы посылать в каждую вылазку четыре команды, по две на каждой машине, и совершить за одну ночь двенадцать рейдов. Может быть, нам удастся захватить столько начальства, что это их серьезно дезорганизует.

– Похоже, это неплохая идея, – согласился Ардмор. – Не исключено, что нам не удастся провести такую операцию больше одного раза. Если мы сможем одним ударом заметно ослабить их командование, это подорвет их боевой дух, а может быть, и даст толчок ко всеобщему восстанию. Вы хотите что-то сказать, Митсуи?

Он заметил, что Митсуи явно чем-то не нравился план, который они обсуждали.

– Боюсь, это не сработает, – нехотя произнес тот.

– Вы хотите сказать, что нам не удастся их таким способом выкрасть? Вы знаете что-то, чего мы не знаем об их методах охраны?

– Нет, нет. Если у вас есть оружие, которое действует сквозь стены и поражает человека прежде, чем он сообразит, что происходит, я уверен, вы сможете их похитить. Но только результат будет совсем не такой, как вам кажется.

– Почему?

– Потому что вы ничего этим не добьетесь. Они и мысли не допустят, что их командиры у вас в плену, они будут считать, что каждый из них покончил жизнь самоубийством. Последствия будут ужасными.

Дело касалось психологии, и мнения присутствующих разошлись. Но белые люди не могли поверить, что панзиаты осмелятся ответить репрессиями, если будут располагать достоверными сведениями, что их божественные вожди не погибли, а находятся в руках противника. Кроме того, такой план позволял немедленно приступить к действиям, а этого всем очень хотелось. В конце концов, за неимением лучшего Ардмор согласился его принять, хотя и испытывал какие-то смутные опасения.

Следующие несколько дней ушли на то, чтобы подготовить к выполнению задачи воздушные машины-разведчики. Шир, трудившийся по восемнадцать, а то и по двадцать часов в

сутки, проделал титаническую работу; все остальные с готовностью ему помогали. Даже Кэлхун снизошел до того, что согласился принять участие в вылазке, хотя и отказался заниматься «грубым неквалифицированным трудом». Томас совершил короткую рекогносцировку и выяснил расположение двенадцати паназиатских штабов, разбросанных по стране.

Воодушевленный возможностью начать наконец хоть *как-то* действовать, Ардмор и не вспоминал о собственном решении создать «шестую колонну» – подпольную или полуподпольную организацию, которая занималась бы деморализацией противника изнутри. Нынешний план этого не предусматривал – операция готовилась чисто военная. Ардмор чувствовал себя если не Наполеоном, то по меньшей мере сандинистом, который наносит неожиданные удары по регулярным частям и скрывается в ночи.

Но Митсуи оказался прав.

Они регулярно смотрели телевизионные передачи, чтобы знать, что завоеватели считают нужным сообщить своим рабам. К восьми вечера все привыкли собираться в общем зале, чтобы послушать очередную передачу, в которой населению объявлялись новые приказы. Ардмор поощрял такие собрания, которые называл «сеансами ненависти», – он считал, что от этого поднимается боевой дух.

За два дня до намеченной вылазки они собрались как всегда. Уродливое широкоскулое лицо типичного пропагандиста неожиданно сменилось другим – это был пожилой паназиат, которого ведущий представил как «божественного хранителя мира и порядка». Он не стал тратить время попусту и сразу перешел к делу. Американцы, состоявшие на службе правительства одной из провинций, совершили страшный грех: они восстали против своих мудрых правителей, захватили священную особу губернатора и удерживали его в качестве пленного в собственном дворце. Солдаты Небесного императора сокрушили безумных святотатцев; при этом губернатор, как это ни печально, отошел к праотцам.

Объявлялся траур, который вступал в силу немедленно; в знак его начала населению провинции предстояло, согласно разрешению свыше, искупить грех своих соотечественников. Студия, откуда велась передача, исчезла, и на экране появилось огромное множество людей – мужчин, женщин и детей, толпившихся за колючей проволокой. Камера показывала их крупным планом, и обитателям Цитадели были хорошо видны слепое отчаяние на лицах, заплаканные дети, женщины с младенцами на руках, беспомощные отцы семейств.

Однако это продолжалось недолго. Камера поднялась ввысь, прошла панорамой по бескрайнему морю живых существ и вновь показала крупным планом один его уголок.

На людей направили луч, который вызывал эпилептический припадок. Через мгновение в них не осталось ничего человеческого – как будто десяткам тысяч гигантских цыплят разом свернули шеи и бросили их в загон, где они бились в предсмертных судорогах. То одно, то другое тело взлетало в воздух, подброшенное сильнейшими судорогами, от которых трещали кости и переламывались хребты. Матери отшвыривали от себя детей или же сдавливали их насмерть, как в тисках.

На экране снова появилось невозмутимое лицо чиновника-азиата. С сожалением в голосе он объявил, что само по себе покаяние в грехах – это еще не все; оно должно быть дополнено воспитательными мерами, которые в данном случае будут распространены на одного человека из каждой тысячи. Ардмор быстро прикинул – это означало сто пятьдесят тысяч человек. Он не мог в это поверить.

Однако вскоре ему пришлось поверить. На экране снова появился крупный план – на этот раз тихая улица какого-то американского города. Камера показала, как подразделение паназиатских солдат врывается в комнату, где перед телевизионным приемником сидит семья, потрясенная только что увиденным: мать прижимает к груди рыдающую маленькую девочку, пытаясь ее успокоить. Появление солдат вызывает у них не испуг, а лишь тупое оцепенение.

Отец безропотно предъявляет свою регистрационную карточку, офицер, командующий подразделением, сверяет ее с каким-то списком, и солдаты приступают к делу.

Видимо, им было приказано убивать как можно более жестоко.

Ардмор выключил приемник.

– Вылазка отменяется, – объявил он. – Всем ложиться спать. И перед сном каждому принять снотворное. Это приказ.

Через минуту в зале уже никого не было. Выходя, никто не произнес ни слова. Оставшись один, Ардмор снова включил приемник и досмотрел все до конца. Потом он долго сидел в одиночестве, тщетно пытаясь привести в порядок свои мысли. Тому, кто отдает приказ принять снотворное, приходится обходиться без него.

4

Большую часть следующих двух дней Ардмор провел в одиночестве и даже обедал в своей комнате. За все время он ни с кем не сказал и двух слов. Теперь ему было ясно, в чем он ошибся, и, хотя резня произошла не по его вине, легче от этого не становилось – он все равно чувствовал себя к ней причастным.

Но проблема оставалась нерешенной. Он убедился, что был прав, когда принял решение создать «шестую колонну». «Шестая колонна» – вот что сейчас нужно; организация, которая внешне не нарушала бы порядков, установленных завоевателями, но со временем могла бы стать средством их свержения. На это, может быть, уйдут годы, но открытое выступление было страшной ошибкой, и повторять ее нельзя.

Он по-прежнему чувствовал, что где-то в рассказе Томаса промелькнула мысль, которая могла бы оказаться полезной. Он снова и снова прослушивал запись, но, хотя к этому времени уже выучил ее наизусть, никак не мог уловить того, что искал.

«– Они систематически вытравляют все, что составляет американскую культуру, – говорил Томас. – Закрыты школы, не выходят газеты. Напечатать что бы то ни было по-английски считается уголовным преступлением. Они объявили, что вскоре всякую деловую переписку нужно будет вести на их языке, а до тех пор все письма должны проходить цензуру. Запрещены любые собрания, кроме религиозных.

– Я думаю, этому они научились в Индии. – В записи его собственный голос звучал как-то непривычно. – Так легче держать рабов в повиновении.

– Наверное, вы правы, сэр. По-моему, это исторический факт: процветающие империи всегда мирились с местными религиями, хотя искореняли все остальное.

– Похоже на то. Продолжайте.

– Я считаю, что реальная сила их режима основана на системе регистрации. Они ввели ее с самого начала и ничему другому не уделяли столько внимания. В результате Соединенные Штаты теперь превращены в один большой лагерь военнопленных, где почти никто не может свободно перемещаться и общаться с другими без разрешения надзирателей».

Слова, слова, слова! Ардмор столько раз их прослушивал, что уже почти не улавливал смысла. Может быть, в рассказе Томаса ничего такого и не было и все это ему только померещилось?

В дверь постучали. Это был Томас.

– Меня попросили вам кое-что сказать, сэр, – начал он осторожно.

– Что же?

– Видите ли, все собрались в зале. Они хотят с вами поговорить.

Еще одно совещание, на этот раз не по его инициативе. Что ж, придется идти.

– Скажи, что я сейчас буду.

– Слушаюсь, сэр.

После того как Томас вышел, он несколько секунд сидел неподвижно, потом подошел к письменному столу и достал из ящика свой пистолет. Запахло бунтом – об этом можно было догадаться по тому, что кто-то решился созвать общее совещание без его разрешения. Он проверил обойму, передернул затвор, надел португепю, но, подумав, снял ее и положил пистолет обратно в ящик. В таком бардаке это ему не поможет.

Он вошел в зал, занял свое место во главе стола и сказал:

– Я вас слушаю.

Брукс окинул взглядом стол, убедился, что больше никто говорить не собирается, откашлялся и начал:

– Э-э-э... Мы хотели бы спросить, есть ли у вас какой-нибудь план действий.

– Нет. Пока нет.

– Тогда у нас есть! – вмешался Кэлхун.

– Да, полковник?

– Нет никакого смысла торчать здесь сложа руки. В нашем распоряжении самое могучее оружие, какое только есть в мире, но, чтобы применить его, нужны люди.

– Дальше?

– Мы намерены ликвидировать базу и отправиться в Южную Америку! Там мы сможем найти правительство, которому понадобится подобное оружие.

– Какую пользу это принесет Соединенным Штатам?

– Но это очевидно. Империя, вне всякого сомнения, собирается распространить свое влияние на все наше полушарие. Мы можем уговорить это правительство начать превентивную войну. Или, возможно, организовать армию из беженцев.

– Нет!

– Боюсь, что вам придется с этим смириться, майор, – злорадно произнес полковник.

Ардмор повернулся к Томасу:

– Вы согласны с ними?

– Я надеялся, что у вас есть план получше, сэр, – нехотя ответил тот.

– А вы, доктор Брукс?

– Ну, это, по-моему, более или менее реально. Я того же мнения, что и Томас.

– Грэхем?

Ответом ему было молчание. Уилки на мгновение поднял глаза, но тут же отвел их в сторону.

– Митсуи?

– Я вернусь наверх, сэр. У меня тут еще остались дела.

– Шир?

На скулах у Ширы вздулись желваки.

– Я согласен, если вы не будете возражать, сэр.

– Благодарю вас.

Ардмор повернулся к остальным:

– Я сказал: «Нет!» – и это остается в силе. Тот из вас, кто покинет базу, будет считаться нарушителем присяги. И вы тоже, Томас! Это не мой каприз. То, что вы предлагаете, ничем не отличается от вылазки, которую я отменил. Пока народ Соединенных Штатов остается заложником в руках паназиатов, мы *не можем* начать военные действия! Не важно, откуда начнется атака, изнутри или извне, – тысячи, а может быть, миллионы невинных жертв заплатят за это жизнью!

Преодолев волнение, он окинул взглядом сидящих за столом – как они восприняли его слова? Кажется, согласны – или готовы вот-вот согласиться. Все, кроме Кэлхуна. Но в то же время они недовольны.

– Предположим, что вы правы, сэр, – серьезно, очень серьезно произнес Брукс. – Допустим, что так оно и есть. Но неужели мы не в силах ничего сделать?

– Я об этом уже говорил. Мы должны создать то, что я назвал «шестой колонной». Мы должны скрываться, выжидать, нашупывать слабые места противника и использовать их.

– Я понимаю. Может быть, вы правы. Может быть, необходимо именно это. Но сколько же для этого понадобится терпения! Мы ведь не боги, а люди.

Ардмор почувствовал, что вот-вот вспомнит то, чего ему не хватало. Но что именно?

– Значит, нам обещают журавля в небе, – вмешался Кэлхун. – Вам бы в проповедники пойти, майор Ардмор. А мы предпочитаем действовать.

«Вот оно! Вспомнил!»

– Вы почти правы, – ответил Ардмор. – Вы слышали отчет Томаса?

– Слышал, в записи.

– Вы помните, что есть один случай, когда белым людям все же разрешается создавать свои организации?

– Да нет, ничего такого там, по-моему, не было.

– Не было? Разве им не разрешается собираться для одной определенной цели?

– Я знаю! – воскликнул Томас. – Церковь!

Ардмор дал им время осознать услышанное, а потом тихо спросил:

– Вам не приходило в голову, что можно много чего сделать, если *основать новую религию*?

Наступило недоуменное молчание. Его прервал Кэлхун:

– Он сошел с ума!

– Полегче, полковник, – миролюбиво сказал Ардмор. – Нет ничего удивительного, что вы решили, будто я спятил. Действительно, на первый взгляд это безумие – говорить об основании новой религии, когда мы хотим только одного – драться с паназиатами. Но подумайте, нам нужна организация, которую можно обучить и вооружить для борьбы с противником. Организация и система связи, которая позволит нам согласовывать свои действия. И все это придется делать на глазах у паназиатов, не возбуждая у них подозрений. Все это возможно, если мы будем не военной организацией, а религиозной сектой.

– Это невыносимо! Я отказываюсь в этом участвовать!

– Ну что вы, не надо, полковник. Вы нам очень нужны. Например, та же система связи – представьте себе, что в каждом городе страны стоит храм, и все они соединены между собой линиями связи, а центр находится здесь, в Цитадели!

Кэлхун презрительно фыркнул:

– Конечно – и азиаты подслушивают все ваши переговоры.

– Вот для чего вы нам нужны, полковник! Разве вы не сможете создать такую систему связи, чтобы они не могли подслушивать? Может быть, что-нибудь вроде радио, только оно должно работать в одном из наших новых диапазонов, чтобы на эти волны не реагировали их приемники. Или не сможете?

Кэлхун снова фыркнул, но уже иначе:

– Что за вопрос, конечно смогу. Это элементарно.

– Вот зачем вы нам нужны, полковник, – чтобы находить решения, которые вам, с вашим выдающимся талантом, представляются элементарными... – Ардмор почувствовал легкую тошноту: это было куда гаже, чем сочинять рекламные тексты. – ...Но которые всем нам, остальным, кажутся чудом. Вот в чем суть религии – она не может без чудес! Вам придется напрячь все силы своего гения, чтобы изобрести такие вещи, которых никогда не понять паназиатам и которые они сочтут сверхъестественными. – Видя, что Кэлхун все еще колеблется, он добавил: – Вы же сможете это сделать, надеюсь?

– Конечно смогу, мой дорогой майор.

– Ну и прекрасно. Через сколько времени мы получим в свое распоряжение систему связи, которую нельзя будет подслушать и запеленговать?

– Точно сказать не могу, но это не займет много времени. Я все еще не вижу смысла в вашей идее, майор, но я займусь такой системой, если, по-вашему, она необходима.

Он встал и торжественно вышел. Это была процессия, состоящая из одного человека.

– Можно мне, майор? – попросил внимания Уилки.

– Что? О да, конечно, Уилки.

– Я могу разработать для вас такую систему связи.

– Ничуть не сомневаюсь, но нам придется использовать все наличные силы. Для вас тоже найдется достаточно дел. Теперь об остальном. Вот что я имею в виду – это, конечно, всего лишь приблизительные наброски, я хочу, чтобы вы обсудили их и высказали все возражения,

какие только придут вам в голову. Мы должны предусмотреть, насколько это возможно, все неожиданности.

Мы пройдем через все этапы создания евангелической религии и постараемся привлечь к ней население. Как только мы соберем людей в таком месте, где можно будет беседовать с ними без помех, мы отберем тех, кому можно доверять, и завербуем в нашу армию. Мы назначим их дьяконами церкви или еще кем-нибудь в этом роде. Главной нашей приманкой будет благодетельность – и тут, Уилки, пригодится ваша трансмутация элементов. Вы будете получать для нас драгоценные металлы, прежде всего золото, чтобы у нас всегда хватало денег. Мы накормим бедных и голодных – благодаря паназиатам их теперь более чем достаточно! – и очень скоро народ повалит к нам валом.

Но это далеко не все. Мы действительно будем устраивать настоящие чудеса – и сделаем это с размахом. Не столько для того, чтобы произвести впечатление на белое население – это не так важно, – сколько для того, чтобы сбить с толку наших господ и повелителей. Мы поселим в них беспокойство и неуверенность в себе. Понимаете, мы ничего не будем предпринимать против них, мы во всем останемся послушными подданными империи, но при этом будем делать такие вещи, которые им не под силу. Они почувствуют растерянность, у них начнут сдавать нервы. – По мере того как идея принимала конкретные формы, он понял, что все это очень похоже на хорошо продуманную рекламную кампанию. – К тому времени, когда мы будем готовы пойти в наступление, они окажутся деморализованы, напуганы и легко поддадутся панике.

Его увлеченность понемногу передавалась слушателям, хотя такой подход и был для них непривычен.

– Послушайте, командир, – сказал Томас. – Может быть, это и сработает, я не говорю, что нет, только как вы собираетесь все это наладить? Неужели их чиновники не догадаются, что дело нечисто, когда увидят, как ни с того ни с сего появилась какая-то новая религия?

– Может быть, и догадаются, но вряд ли. Все западные религии представляются им одинаково нелепыми. Они знают, что у нас десятки религий, и большинство из них им совсем неизвестно. Это единственное преимущество, которое дала нам эпоха Закона о необщении. Они мало что знают о наших общественных организациях, возникших после Закона. Они решат, что имеют дело с чем-то вроде тех дурацких сект, которые в Южной Калифорнии каждый день возникали десятками.

– Ну хорошо, командир, а с чего мы все это начнем? Не можем же мы просто так выйти из Цитадели, ухватить за пуговицу какого-нибудь желтолицего и сказать ему: «Я Иоанн Креститель!»

– Конечно нет. Это вопрос, который нужно проработать. У кого есть какие-нибудь идеи? Наступило молчание – все напряженно думали. Наконец Грэхем сказал:

– А что, если начать с самого начала и ждать, когда на нас обратят внимание?

– Что вы имеете в виду?

– Ведь у нас здесь людей хватит, если не гнаться за большим размахом. Будь у нас где-нибудь храм, один из нас мог бы стать первосвященником, а остальные – кем-то вроде апостолов. А дальше – подождем, пока нас заметят.

– Хм. В этом что-то есть, Грэхем. Но все-таки нужно будет развернуть дело как можно шире. Мы все станем священниками, и церковными служителями, и кем угодно, а Томасу я поручу набрать нам паству среди его приятелей. Или нет, подождите. Пусть лучше они придут к нам в качестве пилигримов. Мы начнем с того, что пустим слух, который будут распространять хобо. Они будут говорить всем: «Грядет Ученик!»

– А что это означает? – осведомился Шир.

– Пока ничего. Но со временем будет что-нибудь означать. Теперь слушайте, Грэхем. Вы художник. С сегодняшнего дня вы будете готовить нам обеды левой рукой, а правой начнете

набрасывать эскизы облачений, алтарей и прочего реквизита – предметы культа, короче. Архитектура храма, интерьеры – всем этим тоже придется заняться вам.

– А где будет находиться храм?

– Это серьезный вопрос. Он должен быть где-нибудь неподалеку, если мы не хотим вообще покинуть Цитадель, а мне кажется, что этого делать не следует: она нужна нам как база и лаборатория. Но он не должен быть и слишком близко – мы не можем рисковать привлечь внимание к этой горе. – Ардмор побарабанил пальцами по столу. – Непростое дело.

– А почему бы не превратить в храм все вот это? – спросил доктор Брукс.

– Что-что?

– Я имею в виду, конечно, не этот зал, но почему бы не поставить наш первый храм прямо над Цитаделью? Это было бы очень удобно.

– Конечно, доктор, но это же неизбежно привлечет внимание к... Погодите! Кажется, я понял, о чем вы говорите. – Он повернулся к Уилки. – Боб, нельзя ли использовать эффект Ледбеттера, чтобы держать в тайне существование Цитадели, если храм будет стоять прямо над ней? Можно это сделать?

Уилки растерянно посмотрел на него. В этот момент он больше, чем обычно, напоминал большого щенка колли.

– Нет, эффект Ледбеттера для этого не годится. А вам нужен именно эффект Ледбеттера? Потому что если нет, то можно было бы без особого труда наладить экран седьмого типа в области магнитогравитационных волн, так что ни один прибор, работающий в электромагнитном диапазоне, ничего не сможет зарегистрировать. Дело в том, что...

– Да ведь мне не важно, как вы это сделаете! Я даже не знаю, как все это называется, – мне нужен результат. Очень хорошо, значит, этим и займитесь. Мы подготовим проект храма, запасем здесь все материалы, чтобы его осталось только смонтировать, потом выйдем на поверхность и как можно скорее его поставим. Кто знает, сколько на это может понадобиться времени? Боюсь, я мало что понимаю в строительстве.

Уилки и Шир принялись о чем-то оживленно шептаться, потом Уилки сказал:

– Об этом особо не волнуйтесь, командир. Тут пригодятся силовые лучи.

– Это какие?

– У вас где-то должен лежать наш отчет. Притягивающие и отталкивающие лучи, которые мы разработали, основываясь на ранних экспериментах Ледбеттера.

– Да, майор, об этом можете не беспокоиться, – добавил Шир, – я все сделаю. Силовые лучи в безгравитационном поле – мы этот храм выстроим быстрее, чем картонный домик. Кстати, перед тем как начинать, я собираюсь потренироваться на картонных моделях.

– Отлично, ребята! – одобрил Ардмор с улыбкой. При мысли о том, сколько впереди нелегкой работы, он испытал искреннюю радость. – Вот такой разговор мне нравится. На сегодня сборище закончено. За дело! Томас, зайдите ко мне.

– Минутку, командир, – сказал Брукс, вставая и направляясь к двери вслед за ним. – А что, если...

И они вышли, продолжая оживленно беседовать.

Несмотря на радужный оптимизм Шири, построить храм на вершине горы над Цитаделью оказалось не так просто. Никто из их крохотной команды не имел опыта крупного строительства. Ардмор, Грэхем и Томас вообще ничем подобным никогда не занимались, хотя Томас был мастер на все руки и в свое время изучил плотницкое ремесло. Кэлхун знал только свою математику, да и характер не позволял ему снизойти до физической работы. Брукс ничего не имел против, но он был не строитель, а биолог.

Уилки, блестящий физик, хорошо справлялся с инженерными проблемами, которые имели отношение к его исследованиям, и легко мог сконструировать какой-нибудь нужный

ему прибор. Но ему никогда не приходилось строить мосты, возводить плотины или хотя бы руководить бригадой рабочих. Тем не менее вся тяжесть задачи должна была лечь на его плечи. Шир для этого не годился: он хоть и считал, что может построить дом, но на самом деле слишком увлекался всевозможными мелочами, больше думал об инструментах и был на месте скорее в мастерской, чем на строительной площадке. Ему было вполне под силу построить модель здания в уменьшенном масштабе, но организовать крупную стройку он не мог. Кроме Уилки, делать это было некому.

Несколько дней спустя Уилки явился в кабинет Ардмора с рулоном чертежей под мышкой.

– Как, можно, командир?

– А, заходите, Боб. Садитесь. Что там у вас? Когда мы начнем строить наш храм? Смотрите, я тут подумал о том, как еще мы могли бы скрыть, что под ним находится Цитадель. Что, если мы расположим алтарь так, чтобы...

– Извините, командир.

– Да?

– Мы можем предусмотреть в проекте все, что вы захотите, только сначала мне надо бы немного лучше представлять себе, каким вообще должен быть наш храм.

– Это ваше дело – ваше и Грэхема.

– Слушаюсь, сэр. Но какого размера он будет?

– Какого размера? Ну, я точно не знаю. *Большой!* – Ардмор широко развел руки. – Он должен впечатлять!

– Футов тридцать по фасаду?

– Тридцать? Да это смешно! Что вы строите – киоск для торговли лимонадом или главный храм великой религии? Вы его, правда, еще не начали строить, но только так нужно подходить к делу. На него должны смотреть, выпучив глаза! В чем проблема? Вам не хватает стройматериалов?

Уилки покачал головой:

– Да нет, когда можно превращать элементы друг в друга по Ледбеттеру, материалы – не проблема. Мы можем получать их сколько угодно из самой горы.

– Я так и думал. Выпиливайте гранитные блоки побольше и укладывайте их, как кирпичи, с помощью ваших силовых лучей.

– Нет, что вы!

– Нет? А почему?

– Ну, наверное, можно и так, только получится довольно неказисто. К тому же я не знаю, как тогда его перекрыть. Я-то хотел сделать другое. Тоже с помощью эффекта Ледбеттера, но не выпиливать блоки, а делать – трансмутировать – материалы, которые нам нужны. Видите ли, гранит состоит в основном из окислов кремния. Это немного осложняет дело, потому что оба элемента стоят в нижнем конце периодической таблицы. Придется приложить много усилий, чтобы избавиться от лишней энергии, – ее будет огромный избыток, чуть ли не столько же, сколько вырабатывает атомный реактор в Мемфисе, и ее нужно будет куда-то девать. Пока я не вижу, как это сделать. А потом...

– Давайте-ка ближе к делу!

– А я как раз подбираюсь к делу, сэр, – с некоторой обидой в голосе ответил Уилки. – Когда вы идете от верхнего или нижнего конца периодической таблицы к середине, при трансмутации выделяется энергия, а в обратном направлении – поглощается. Еще в середине прошлого века придумали, как получать энергию таким способом, – на этом и основана атомная бомба. Но если занимаешься трансмутацией ради того, чтобы получить стройматериалы, то

совершенно не нужно, чтобы при этом выделялась энергия, как в атомной бомбе или реакторе. Это совсем ни к чему.

– Ну еще бы!

– Поэтому приходится использовать и второй тип трансмутации – тот, при котором энергия поглощается. В сущности, я стараюсь, чтобы один тип уравновешивал другой. Возьмите, скажем, магний. Он расположен между кремнием и кислородом. Энергия связи здесь...

– Уилки!

– Да, сэр?

– Считайте, что я не пошел дальше третьего класса. И скажите мне только, сможете вы изготовить все материалы, какие вам нужно, или нет?

– Да, сэр, конечно, я могу их сделать.

– Тогда чем я могу вам помочь?

– Видите ли сэр, все дело в перекрытии и его размерах. Вы говорите, что тридцати футов по фасаду мало...

– Нет, это никуда не годится. Вы бывали на Североамериканской выставке? Помните павильон «Дженерал атомикс»?

– Видел на фотографиях.

– Нам нужно что-нибудь такое же броское и эффектное, только гораздо больше. А почему вы ограничились тридцатью футами?

– Понимаете, сэр, я не смогу пронести через дверь панель больше чем шесть на тридцать. Там коридор поворачивает.

– А подъемник для машин-разведчиков?

– Я об этом уже думал. Там пройдет панель шириной в тринадцать футов, зато длиной не больше двадцати семи. Между ангаром и подъемником тоже есть поворот.

– Хм... Погодите, а разве вы не можете сваривать панели этой своей волшебной палочкой? Я думал, вы хотите монтировать храм по частям – готовить их здесь, внизу, а наверху только собирать.

– Примерно так. Пожалуй, можно будет сварить стены, какие нужно. А все-таки, майор, какого размера должно быть здание?

– Как можно больше.

– Это сколько?

Ардмор назвал цифру. Уилки присвистнул:

– Стены такого размера мы, наверное, сможем поставить, но я не представляю себе, как их перекрыть.

– По-моему, я видел здания с пролетами не меньше.

– Ну конечно. Дайте мне инженеров-строителей, архитекторов и завод, где можно было бы изготовить фермы на такие пролеты, и я вам построю храм любых размеров. А одни мы с Широм этого сделать не сможем. Даже с помощью силовых лучей. Простите, сэр, но я не вижу выхода.

Ардмор встал и положил руку на плечо Уилки:

– То есть пока не видите. Не огорчайтесь, Боб. Что бы вы ни построили, будет хорошо. Только не забывайте – это наше первое появление на публике. От него многое будет зависеть. Вряд ли на наших повелителей произведет большое впечатление будка для продажи горячих хот-догов. Сделайте его таким большим, каким только сможете. Хорошо бы, чтобы он был столь же впечатляющим, как Великая пирамида, только построить его нужно гораздо быстрее.

– Постараюсь, сэр, – озабоченно ответил Уилки. – Я пойду подумаю над этим.

– Вот и прекрасно.

Когда Уилки вышел, Ардмор повернулся к Томасу:

– Что вы об этом думаете, Джефф? Неужели я слишком многого прошу?

– Никак не могу понять, – медленно произнес Томас, – почему вы придаете этому храму такое значение?

– Ну, прежде всего, это прекрасная маскировка для Цитадели. Если мы не хотим сидеть в ней, ничего не делая, пока не умрем от старости, то рано или поздно сюда и отсюда начнет ходить множество людей, и хранить в тайне ее расположение мы больше не сможем. Значит, нужно какое-то прикрытие. Куда постоянно ходят люди? В церковь – службы и все прочее. Все прочее будет у нас внизу, а службы станут прикрытием.

– Это я понимаю. Но потайной ход вниз прекрасно можно устроить и в тридцатифутовом здании, для него необязательно строить такие хоромы, каких вы требуете от Уилки.

Ардмор нахмурился. Черт возьми, неужели никто, кроме него, не понимает, как важна реклама?

– Послушайте, Джефф, все будет зависеть от того, сумеем ли мы с самого начала произвести должное впечатление. Если бы Колумб явился к королеве просить пяточок, его бы вытолкали из дворца в шею. А он выпросил коронные бриллианты. Нам нужна внушительная вывеска.

– Наверное, вы правы, – ответил Томас без особого убеждения.

Несколько дней спустя Уилки попросил разрешения выйти с Широм наружу. Далеко уходить они не собирались, и Ардмор отпустил их, взяв слово, что они будут вести себя осторожно. Немного позже он встретил их в коридоре, который вел к лабораториям, – они тащили громадный гранитный блок. В рюкзаке на спине у Ширы был портативный излучатель Ледбеттера. Каменная глыба под действием силового луча висела в воздухе, не касаясь ни стен, ни пола, и Уилки вел ее за собой на веревке, как корову.

– Господи, что это у вас такое? – воскликнул Ардмор.

– Да так, камень, сэр.

– Вижу. А зачем?

– Майор, у вас будет попозже свободная минута? – с таинственным видом спросил Уилки. – Мы хотим вам кое-что показать.

– Значит, не хотите говорить? Ну ладно.

Через несколько часов Уилки позвонил ему и попросил зайти и прихватить с собой Томаса. Когда они пришли в мастерскую, там уже собрались все, кроме Кэлхуна.

– С вашего разрешения, мы начнем, сэр, – сказал Уилки, отдав Ардмору честь.

– Бросьте эти формальности. А разве вы не хотите подождать полковника Кэлхуна?

– Я его приглашал, но он отказался.

– Ну тогда начинайте.

– Слушаюсь, сэр. – Уилки повернулся к остальным. – Считайте, что этот камень – вершина горы, под которой мы находимся. Давай, Шир.

Уилки встал к излучателю Ледбеттера. Шир уже стоял у другого такого же излучателя, снабженного прицелом и еще какими-то непонятными приспособлениями. Он нажал на несколько кнопок, и излучатель выбросил луч света толщиной в карандаш.

Водя им, как пилой, Шир срезал верхушку камня. Уилки с помощью силовых лучей перехватил отрезанную часть и передвинул ее в сторону, где она повисла в воздухе. Срез был гладким и блестел как зеркало.

– Вот на этом месте будет стоять храм, – сказал Уилки.

Шир продолжал резать камень своим лучом, поворачивая излучатель. Плоская верхушка приобрела квадратную форму и превратилась в верхнюю площадку четырехгранной усеченной пирамиды. В одной из ее граней он вырезал ступени.

– Достаточно, Шир, – скомандовал Уилки. – Теперь будем делать стену. Подготовь поверхность.

Шир что-то сделал с излучателем, и луч стал невидим, а плоская вершина пирамиды почернела.

– Углерод, – объявил Уилки. – Видимо, искусственный алмаз. Это будет наша рабочая площадка. Давай, Шир.

Уилки передвинул отрезанную часть камня так, что она оказалась над площадкой. Шир отрезал от нее кусок, он расплавился, стек на поверхность площадки, растекся по ней и застыл. Теперь то, что было камнем, напоминало какой-то белый металл. Остывая, он приобрел белый металлический блеск. Пока он не застыл окончательно, Шир с помощью силовых лучей, прижимая одним заготовку к валуну, а другим отгибая лист вверх, превратил его в неглубокую открытую коробку, площадью два квадратных фута, со стенками высотой в дюйм. Уилки поднял ее с площадки, передвинул в сторону и подвесил в воздухе.

Потом все повторилось сначала, только вместо коробки получился плоский лист. Уилки убрал его в сторону и снова поставил на площадку коробку.

– Теперь начинка, – объявил Уилки.

Он придвинул отрезанную часть камня, установив ее над коробкой. Шир отрезал кусочек, дал ему опуститься в коробку и направил на него луч. Камень расплавился и растекся по дну коробки.

– Гранит – это, в сущности, стекло, – объяснил Уилки. – А нам нужно пеностекло, поэтому сейчас мы не будем ничего трансмутировать. Разве что чуть-чуть, чтобы был газ, чем его вспенивать. Добудь-ка малость азота, Шир.

Шир кивнул и на мгновение включил луч. Масса как будто вскипела, заполнила коробку до краев и так застыла.

Уилки придвинул плоский лист, висевший в воздухе – он оказался над коробкой и медленно опустился на нее, как крышка, хотя и немного перекошенная.

– Привари его, Шир.

Лист раскалился докрасна и осел вниз, прижатый невидимой рукой. Шир обошел его с излучателем со всех сторон, приваривая края крышки к коробке. Когда он закончил, Уилки поставил запечатанную коробку вертикально на бок на краю площадки и, не выключая излучателя, направился в дальний угол комнаты, где на лабораторном столе лежала груда каких-то деталей, укрытая брезентом.

– Чтобы не тратить зря ваше время, ну и ради практики тоже, мы заранее сделали еще четыре штуки, – объяснил он и поднял брезент.

Под брезентом лежали точно такие же панели, как та, которая только что была изготовлена у них на глазах. Не прикасаясь к ним, Шир с помощью излучателя поднял их одну за другой и установил на площадке – получился куб. Уилки вернулся к своему излучателю и удерживал их в нужном положении, пока Шир не сварил все стыки.

– Тонкая работа у него получается лучше, чем у меня, – пояснил он. – Ладно, Шир, теперь дверь.

– Какого размера? – буркнул Шир. Это были первые слова, которые он произнес за все время.

– Решай сам. Я думаю, восемь дюймов по высоте будет нормально.

Шир что-то промышчал и вырезал в стене, обращенной к склону со ступенями, прямоугольное отверстие. Когда оно было готово, Уилки объявил:

– Вот вам и храм, командир.

Ни камня, ни того, во что он превращался, за все это время не разу не коснулась рука человека.

Последовали аплодисменты, такие бурные, что в комнате, казалось, не пять человек, а несколько десятков. Уилки раскраснелся от удовольствия, Шир стоял молча, стиснув зубы. Все столпились вокруг модели.

– Оно «горячее»? – спросил Брукс.

– Холодное, я потрогал, – ответил Митсуи.

– Я не о том.

– Нет, все в порядке, – успокоил его Уилки. – По способу Ледбеттера получаются только стабильные изотопы.

Ардмор, разглядывавший модель вблизи, выпрямился:

– Насколько я понимаю, вы хотите все это проделать там, наверху?

– А что, разве нельзя, майор? Конечно, можно делать все здесь, а наверху только монтировать храм из небольших панелей, но это займет не меньше времени. И потом я не очень представляю себе, как из маленьких панелей собрать крышу. Вот такие слоистые панели – самая легкая, прочная и жесткая конструкция, какую мы можем получить. Мы их и придумали ради того, чтобы можно было перекрыть тот большой пролет, который вам нужен.

– Ну как хотите. Вам виднее.

– Конечно, за такое короткое время всего не сделаешь, – сказал Уилки. – Это же только оболочка. Я не знаю, сколько займет отделка.

– Отделка? – переспросил Грэхем. – У вас же получилась прекрасная строгая форма, зачем портить ее всякими украшениями? Куб – самая благородная и красивая фигура, какая только есть на свете.

– Я согласен с Грэхемом, – заметил Ардмор. – Вот он, наш храм, таким он и должен быть. Что может быть эффектнее сплошного, цельного массива? Не надо его портить.

Уилки пожал плечами:

– Не знаю. Я думал, вам нужно что-то необычное.

– Оно и есть необычное! Только одного я не могу понять, Боб. Имейте в виду, я не собираюсь заниматься критикой. Соорудить такую штуку немногим легче, чем сотворить мир за шесть дней. Но скажите мне, зачем вам понадобилось выходить наружу? Вы могли зайти в любую пустующую комнату, снять облицовку со стены и этим вашим волшебным ножом вырезать из самого сердца нашей горы любой кусок камня, какой вам нужен.

Уилки с ошеломленным видом поднял на него глаза:

– Я об этом как-то не подумал.

5

Патрульный вертолет медленно кружил в небе южнее Денвера. Командир, лейтенант паназиатской армии, взглянул на карту, составленную из свежих аэрофотоснимков, и знаком приказал пилоту зависнуть в воздухе. Да, вот оно – огромное здание кубической формы, возвышающееся на высокой скале. Его обнаружила картографическая служба нового Западного царства Небесной империи, и патруль послали произвести расследование.

Для лейтенанта это был еще один рядовой вылет. Хотя здание не фигурировало ни в каких описях административного района, в котором находилось, ничего удивительного он в этом не видел. Недавно завоеванная территория огромна, а туземцы, ленивые и распущенные, как и подобает представителям низших рас, ведут записи крайне неаккуратно. Пройдет не один год, прежде чем все, что есть в этой дикой стране, будет тщательно учтено, инвентаризировано и занесено в списки, тем более что эти бледные, анемичные люди почему-то, как дети, упрямо не желают воспринимать блага цивилизации.

Да, это займет немало времени – может быть, больше, чем присоединение Индии. Он вздохнул про себя. Утром пришло письмо из дома – главная жена пишет, что вторая жена подарила ему сына. Что делать – подать заявление о зачислении в колонисты, чтобы можно было вызвать сюда семью, или же молить богов, чтобы его наконец отпустили в увольнение?

Но такие мысли не подобают человеку, который служит Небесному императору! Он повторил про себя Семь принципов воинствующей расы и показал пилоту на ровное место среди гор, куда можно приземлиться.

Вблизи здание выглядело еще внушительнее: огромный, сплошной кубический объем с длиной ребра не меньше двухсот ярдов. Стена, обращенная к нему, светилась чистым изумрудно-зеленым светом, хотя вечернее солнце находилось по другую сторону здания. Видна была и часть правой боковой стены – она горела золотистым цветом.

Из вертолета высадилось отделение солдат, а заним – проводник из горцев, которого они взяли с собой в этот вылет. Он умел разговаривать с белыми по-английски. Лейтенант спросил его:

- Ты видел раньше это здание?
- Нет, повелитель.
- Почему?
- Я в этих местах никогда не был.

Вполне возможно, что он лжет, но карать его нет никакого смысла, и лейтенант решил не обращать внимания.

- Иди впереди.

Они с трудом поднялись по крутому склону до того места, где начиналась ведущая к кубу широкая лестница, еще шире, чем сам куб. Прежде чем вступить на нее, лейтенант какое-то мгновение помедлил. Он ощущал какое-то легкое беспокойство, непонятную тревогу, как будто некий внутренний голос предупреждал его о неведомой опасности.

Когда лейтенант поставил ногу на нижнюю ступень, над ущельем прокатился глубокий, чистый музыкальный звук. Ощущение тревоги усилилось и перешло в безотчетный ужас. Видно было, что ужас передался и солдатам. Лейтенант решительно шагнул на следующую ступень, и снова в горах раздался звук, такой же чистый, но другого тона.

Лейтенант упорно поднимался по бесконечной лестнице, солдаты следовали за ним. Каждый их нелегкий шаг – нелегкий, потому что ступени были чуть выше и чуть шире, чем нужно, – сопровождали медленные, грозные, трагические ноты. И чем ближе было здание, тем сильнее становилось ощущение надвигающейся катастрофы и неизбежной гибели.

Когда лейтенант уже приближался к верхней площадке, медленно распахнулись обе створки огромной двери. В открывшемся проеме стоял человек в изумрудно-зеленой мантии до самой земли. Белые волосы и ниспадающая борода обрамляли лицо, исполненное достоинства и доброты. Старец величественно двинулся вперед и подошел к краю площадки в тот самый момент, когда лейтенант поднялся на последнюю ступень. Лейтенант с изумлением увидел, что вокруг головы старца висит в воздухе мерцающий нимб. Он еще не успел подумать, что это может означать, как старец благословляющим жестом поднял правую руку и заговорил:

– Да пребудет с тобой мир!

И это произошло! Безотчетный страх, который ощущал паназиат, исчез, как будто кто-то повернул выключатель. Он почувствовал огромное облегчение и вдруг понял, что этот человек низшей расы – видимо, жрец – вызывает у него теплое чувство, какое подобает испытывать только к равному. Он поспешно повторил про себя наставление по общению с жрецами низших религий.

– Что это за место, святейший?

– Ты стоишь на пороге храма Мота, владыки владык и Господа всего сущего!

– Мота? Хм...

Лейтенант не мог припомнить бога с таким именем, но это не имело значения. У этих бледнолицых существ тысячи странных богов. «Есть три вещи, необходимые рабу: еда, работа и его боги. Из них только одной нельзя его лишать – богов, иначе он может взбунтоваться», – гласили «Правила управления».

– Кто ты такой?

– Я смиренный священнослужитель, первый служитель Шаама, Властелина Мира.

– Шаама? Ты, кажется, сказал, что твоего бога зовут Мот.

– Мы служим владыке Моту в шести из тысячи его ипостасей. Вы служите ему по-своему. Даже Небесный император служит ему по-своему. Я – слуга Властелина Мира.

«Это уже что-то похожее на оскорбление величества, если не на кощунство, – подумал лейтенант. – Впрочем, бывает, что у богов много имен, а этот туземец, кажется, безобиден».

– Хорошо, святой старик, Небесный император разрешает тебе служить твоему богу так, как ты считаешь нужным, но я должен осмотреть храм именем империи. Отойди в сторону.

Старец не двинулся с места и ответил с сожалением в голосе:

– Прости меня, повелитель, но это невозможно.

– Это мой долг. Отойди в сторону!

– Ну пожалуйста, повелитель, умоляю тебя! Тебе нельзя входить в храм. В этой своей ипостаси Мот – бог белых людей. Иди в свой храм, но в этот тебе входить нельзя. Все, кроме последователей Шаама, караются за это смертью.

– Ты мне угрожаешь?

– Нет, повелитель, нет – мы служим императору, как нам велит наша вера. Но это запрещено самим Владыкой Мотом. Я не смогу спасти тебя, если ты нарушишь запрет.

– Именем Небесного императора – дай мне дорогу!

Лейтенант уверенно зашагал по широкой террасе к двери храма, за ним с топотом шли солдаты. Его снова охватил панический ужас, который усиливался по мере приближения к огромной двери. У него сжалось сердце, он чувствовал непреодолимое желание бежать куда глаза глядят. Только воспитанное долгой муштрой мужество, граничащее с фатализмом, заставляло его идти дальше.

Сквозь открытую дверь он увидел гигантский пустой зал, а в дальнем его конце – высокий алтарь, который тем не менее казался в этом огромном помещении крохотным. Каждая из стен зала светилась своим цветом: красным, голубым, зеленым и золотистым. Потолок был абсолютно, безупречно белым, а пол – столь же абсолютно черным. «Нечего бояться, – сказал он себе. – Этот непонятный ужас – слабость, недостойная война».

Лейтенант шагнул через порог. В то же мгновение он ощутил головокружение, приступ дикого ужаса и упал без сознания. Та же участь постигла и солдат, которые двинулись за ним.

Из-за угла выскочил Ардмор.

– Прекрасно, Джефф! – воскликнул он. – Вам бы на сцене выступить!

Старый священник облегченно вздохнул:

– Спасибо, командир. А что дальше?

– Подумаем, время есть.

Ардмор повернулся к алтарю и крикнул:

– Шир!

– Да, сэр?

– Выключи четырнадцатитактную ноту! – И добавил, обращаясь к Томасу: – От этого проклятого инфразвука у меня самого по спине мурашки ползают, хоть я и знаю, в чем дело. Интересно, что чувствовал этот наш приятель? – По-моему, ему было очень не по себе. Я не ожидал, что он сможет дойти до двери.

– Ничего удивительного. Даже я чуть не завыл, как пес на луну, а ведь это я велел включить генератор. Самый верный способ получить нервное расстройство – когда пугаешься сам не знаешь чего. Ну хорошо, мы поймали медведя за хвост. Что теперь с ним делать?

– А как быть с *этим*? – Томас кивнул в сторону горца, который все еще стоял на одной из верхних ступеней гигантской лестницы.

– Ах да! Эй вы, идите сюда! – позвал его Ардмор. Человек не двинулся с места, и Ардмор добавил: – Да мы же белые люди, черт возьми! Вы что, не видите?

– Вижу, – ответил горец, – только что-то мне это не нравится.

Тем не менее он медленно приблизился к ним.

– Это маленький сюрприз для наших желтолицых друзей, – сказал Ардмор. – А вам теперь все равно деваться некуда. Остаетесь с нами?

К этому времени на площадке собрался весь гарнизон Цитадели. Горец посмотрел на них:

– Похоже, выбирать не приходится.

– Да, пожалуй, но мы предпочли бы добровольца, а не военнопленного.

Горец перекатил во рту табачную жвачку на другую сторону, оглядел безупречно чистую площадку в поисках места, куда бы сплунуть, не нашел и ответил:

– А что вы затеяли?

– Заговор против наших азиатских повелителей. Хотим задать им жару – с Божьей помощью и с помощью великого владыки Мота.

Проводник еще раз оглядел собравшихся, затем неожиданно протянул руку и сказал:

– Я в деле.

– Вот и хорошо, – отозвался Ардмор, пожимая ему руку. – Как вас зовут?

– Хау. Александр Гамильтон Хау. Друзья зовут меня Алекс.

– Хорошо, Алекс. Что вы умеете делать? Готовить можете?

– Немного могу.

– Хорошо. – Ардмор повернулся к Грэхему. – Вот вам и помощник на первое время. Я с ним потом еще поговорю. Теперь... Джефф, ты не заметил, одна из этих макак как будто не спешила падать?

– Возможно. А что?

– Вот этот вроде бы? – Он коснулся ногой до одной из распростертых фигур.

– Кажется.

– Надо с ним разобраться до того, как мы приведем их в чувство. Если бы он был монголоид, ему следовало бы отрубиться быстрее. Доктор Брукс, не проверите ли вы рефлексы у этого парня? И не слишком с ним церемоньтесь.

После нескольких манипуляций, произведенных Бруксом, стало очевидно, что солдат в сознании. Ардмор нагнулся и сильно нажал пальцем на нерв у него за ухом. Солдат привстал на колени, корчась от боли.

– Ну, приятель, рассказывай, в чем дело.

Солдат молчал, бесстрастно глядя на него. Ардмор внимательно всмотрелся ему в лицо и, повернувшись к остальным спиной, чтобы они не видели, сделал быстрый жест рукой.

– Так бы сразу и говорили, – отозвался солдат.

– Маскировка, надо сказать, отличная, – восхищенно заметил Ардмор. – Ваше имя и звание?

– Немного татуировки плюс пластическая операция, – сказал солдат. – Я Даунер, капитан армии Соединенных Штатов.

– Я Ардмор. Майор Ардмор.

– Рад с вами познакомиться, майор. – Они обменялись рукопожатием. – В самом деле, очень рад. А то я болтаюсь с ними уже не первый месяц и никак не могу найти какое-нибудь начальство.

– Что ж, вы нам очень пригодитесь, людей нам не хватает. Мы поговорим позже, а пока у меня срочные дела. – Ардмор повернулся к своим товарищам. – По местам, джентльмены. Начинаем второй акт. Проверьте грим друг у друга. Уилки, отведите куда-нибудь Хау и Даунера, чтобы их не было видно. Будем приводить в чувство наших сонливых гостей.

Даунер дотронулся до локтя Ардмора:

– Минутку, майор. Я не знаю ваших планов, но, прежде чем мы продолжим, вы уверены, что не хотите, чтобы я остался на своем текущем задании?

– Что? Хм... Пожалуй, в этом что-то есть. А вы готовы продолжать?

– Если это принесет пользу, то да, – ответил рассудительно Даунер.

– Это принесет пользу. Томас, идите сюда.

Посоветовавшись, они договорились, что свои донесения Даунер будет передавать через бродяг. Ардмор быстро ввел его в курс дела – ровно настолько, насколько это было нужно.

– Ну что ж, желаю удачи, – закончил он. – Ложитесь снова и притворитесь мертвым, а мы начнем воскрешать ваших друзей.

Увидев, что лежавший неподвижно лейтенант приоткрыл глаза, Томас с Ардмором и Кэлнуном подошли к нему. – Хвала Господу! – провозгласил Томас. – Повелитель жив!

Лейтенант растерянно посмотрел вокруг, потряс головой и схватился за пистолет. Ардмор, выглядевший очень внушительно в красном облачении Диса, Властелина Смерти, предостерегающим жестом поднял руку:

– Осторожнее, повелитель, умоляю! Дис услышал мою молитву и воскресил тебя. Не разгневай его еще раз! – Что случилось? – спросил азиат после некоторого колебания.

– Владыка Мот повелел Дису, Властелину Смерти, призвать тебя к себе. Мы вознесли молитвы Тамар, Властительнице Милосердия, чтобы она за тебя заступилась. – Он показал рукой в сторону открытой двери храма, где перед алтарем стояли на коленях Уилки, Грэхем и Брукс, тоже в священнических облачениях. – К счастью, она услышала нашу молитву. Иди с миром!

В этот момент Шир, сидевший за пультом, усилил мощность четырнадцатитактной ноты. Снова ощутив непонятный страх, сдавивший грудь, озадаченный, сбитый с толку лейтенант счел за лучшее пойти на попятную. Он построил солдат, и они начали спускаться по широким ступеням, сопровождаемые неумолимыми торжественными звуками органа.

– Ну вот и все, – сказал Ардмор, когда они скрылись из вида, – в первом раунде победила вера. Томас, я хочу, чтобы вы сейчас же отправились в город.

– Да?

– В полном облачении и убранстве. Разыщите коменданта округа и подайте официальную жалобу на лейтенанта Вонючку, который противоправно осквернил нашу святыню к великому негодованию наших богов, и умоляйте, чтобы он обещал, что этого больше не повторится. Изображайте справедливое возмущение, но демонстрируйте всяческое почтение к светским властям.

– Я высоко ценю ваше доверие, – саркастически отозвался Томас.

Ардмор усмехнулся:

– Понимаю, солдат, задание нелегкое, но от этого многое зависит. Если мы сумеем воспользоваться их же собственными обычаями и правилами, чтобы прямо сейчас создать прецедент, который придаст нашей церкви законный статус, полдела будет сделано.

– А что, если они потребуют мою регистрационную карточку?

– Если будете держаться достаточно высокомерно, им это и в голову не придет. Главное – побольше нахальства. Они должны привыкнуть к мысли, что если у человека есть посох, мантия и нимб над головой, значит никаких документов ему не требуется. Потом это нам будет очень на руку.

– Ладно, попробую. Только я ничего не обещаю.

– Думаю, справитесь. Во всяком случае, ничего плохого с вами случиться не может – вы для этого прекрасно экипированы. Не выключайте защитный экран, пока кто-нибудь из них поблизости. Не пытайтесь объяснять им, что это такое, пусть упрутся в него, если вздумают подойти. Это чудо, а чудеса объяснять не надо.

– Хорошо.

Донесением лейтенанта командование осталось недовольно. Не испытывал удовлетворения и сам лейтенант. Он чувствовал, что задета его личная честь, что он потерял лицо. Это ощущение только усилилось, когда непосредственный начальник сказал ему:

– Вы, офицер армии Небесного императора, допустили, чтобы вас унизили в присутствии людей низшей расы. Что вы можете сказать в свое оправдание?

– Прошу простить меня, мой господин.

– Дело не во мне. Вы должны держать ответ перед своими предками.

– Я понял, мой господин!

Он протянул руку к короткой сабле, висевшей у него на боку.

– Не спешите с этим – я хочу, чтобы вы лично рассказали свою историю Деснице императора.

Десница императора, военный губернатор округа, на территории которого находились и Денвер, и Цитадель, тоже остался недоволен – не меньше, чем начальник лейтенанта.

– Как вас угораздило вторгнуться в их святыню? Эти люди – как дети, они легко возбудимы. Ваш поступок может привести к гибели многих более достойных, чем вы. А нам придется опять истребить множество рабов, чтобы преподать им урок.

– Я совершил ошибку, мой господин.

– Несомненно. Можете идти.

Лейтенант вышел, чтобы в самое ближайшее время отправиться в путь – но не к семье, а к своим предкам.

Десница императора повернулся к своему адъютанту:

– Служители этого культа, вероятно, обратятся к нам с жалобой. Проследите, чтобы их успокоили и заверили, что их богов больше не потревожат. Запишите все данные об этой секте и отдайте циркулярное распоряжение, чтобы с ней обращались осторожно. – Он вздохнул. – Ох, как мне надоели эти дикари с их лжебогами! Но иначе нельзя: боги, которым поклоняются рабы, и их служители всегда выступают на стороне господ. Это закон природы.

– Воистину так, мой господин!

Ардмор очень обрадовался, когда Томас благополучно вернулся в Цитадель. Как бы ни был он уверен, что Джефф способен выпутаться из самого трудного положения, как бы ни убеждал его Кэлхун, что защитный экран, если правильно с ним обращаться, может предохранить от любого оружия, какое только есть в распоряжении паназиатов, – Ардмор немало поволновался, пока Томас ходил подавать жалобу властям. Ведь отношение паназиатов к местным религиям могло оказаться не поощрительным, а просто терпимым.

– Добро пожаловать домой, старина! – воскликнул он, хлопнув Томаса по спине. – Рад снова видеть вашу противную физиономию. Ну что там? Рассказывайте.

– Дайте мне сначала скинуть этот чертов халат. Сигарета есть? Вот чем плохо быть святым – они не курят.

– Есть, конечно. Вот, держите. Что-нибудь ели?

– Нет, и уже давно.

Ардмор снял трубку и переключил коммутатор на кухню. – Алекс, принесите каких-нибудь деликатесов для лейтенанта Томаса! И скажите всем – они могут услышать, что он будет рассказывать, если заглянут ко мне в кабинет. – Спросите, нет ли у него авокадо. Давно не ел экзотических фруктов.

Переговорив с Хау, Ардмор сообщил:

– Говорит, что авокадо у него в морозильнике, но он сейчас разморозит парочку. Теперь рассказывайте. Что сказала Волку Красная Шапочка?

– Знаете, вы можете не поверить, командир, но все прошло на удивление гладко. Я добрался до города, подошел к первому же паназиату-полицейскому, который попался навстречу, сошел с тротуара и благословил его – посох в левой руке, правая над головой. Никаких там смиренных поз, сложенных рук и склоненных голов, которые предписаны белым! Потом я говорю: «Да пребудет с тобой мир! Не направит ли повелитель своего слугу в резиденцию наместника Небесного императора?»

По-моему, он был не силен в английском. Мои манеры его поразили, и он позвал на помощь еще одного плоскомордого. Этот по-английски немного понимал, и я еще раз сказал то же самое. Они пощebetали что-то между собой нараспев, а потом отвели меня во дворец к Деснице императора. Так и шли, вроде торжественной процессии: они по бокам, а я в середине – и шел побыстрее, чтобы держаться немного впереди.

– Это вы хорошо придумали, – одобрил Ардмор.

– Мне тоже так показалось. В общем, привели они меня туда, и я рассказал всю историю какому-то мелкому чиновнику. Результат был потрясающий: меня тут же повели к самому Деснице.

– Да?

– Погодите, это еще не все. Я, признаться, немного струхнул, но сказал себе: «Джефф, приятель, если покажешь им, что боишься, тебе отсюда живым не уйти». Я знаю, что перед чиновником такого ранга белому человеку полагается пасть на колени, но я этого делать не стал, а благословил его стоя в точности так же, как тех двоих. И это мне сошло с рук! Он посмотрел на меня и сказал: «Благодарю тебя за благословение, святой человек. Ты можешь подойти». Между прочим, прекрасно говорит по-английски.

Ну, я довольно подробно рассказал ему, что тут у нас случилось – официальную версию, конечно, – и он начал меня спрашивать.

– О чем?

– Сначала спросил, признает ли моя религия власть императора. Я заверил, что признает, что наши последователи обязаны подчиняться светским властям во всех светских делах, но что поклоняться наша вера велит только истинным богам и так, как мы привыкли. Потом долго кормил его теологической болтовней. Сказал, что все люди поклоняются единому Богу, но у

него тысяча ипостасей, и каждая из них сакральна. В своей небесной мудрости Бог представляется разным народам в разных ипостасях, *потому что не подобает слугам и повелителям поклоняться ему одинаково*. Поэтому шесть его ипостасей – Мот, Шаам, Менс, Тамар, Бармак и Дис – отведены для белых людей, так же как Небесный император – та его ипостась, которой поклоняется раса повелителей.

– Ну и как он это воспринял?

– Кажется, решил, что это довольно удобное учение – для рабов. Он спросил, чем еще занимается наша церковь, кроме богослужений, и я сказал, что наше главное стремление – помогать бедным и больным. Это ему, по-моему, понравилось. Похоже, что раздача пособий на бедность доставляет нашим добрым повелителям порядочные хлопоты.

– Пособий? А разве они раздают какие-нибудь пособия?

– Ну не совсем пособия. Но когда сгоняешь пленных в концлагерь, их нужно чем-то кормить. Экономика почти совсем разрушена, и наладить ее они еще не успели. Я думаю, они будут только приветствовать движение, которое хоть немного облегчит им заботу о пропитании рабов.

– Хм... Что-нибудь еще?

– Ничего особенного. Я снова заверил его, что наша вера запрещает нам, духовным пастырям, заниматься политикой, а он сказал, что нас трогать больше не будут, и отпустил меня. Я еще раз его благословил, повернулся и пошел восвояси.

– Похоже, тебе удалось его умаслить, – сказал Ардмор.

– Я бы не слишком на это надеялся, командир. Этот старый мерзавец хитер и умен, как Макиавелли. Впрочем, нет, я не должен называть его мерзавцем, потому что он вовсе не мерзавец – по его меркам. Он настоящий государственный деятель. Должен сказать, что он произвел на меня большое впечатление. Паназиаты вовсе не такие дураки – все-таки они завоевали и удерживают полмира, это сотни миллионов людей. Если они терпят местные религии, значит считают, что это правильная политика. И пусть считают, нам только на руку, что у них такие умные и опытные чиновники.

– Вы, конечно, правы, мы, безусловно, не должны их недооценивать.

– Но я еще не кончил. Когда я выходил из дворца, меня опять взяли под караул два солдата и так от меня и не отходили. По дороге мы проходили через центральный рынок. Там сотни белых выстроились в очереди, пытаясь купить еду по своим продовольственным карточкам. И тут мне пришло в голову: дай-ка проверю, насколько распространяется мой иммунитет. Я остановился, забрался на ящик и принялся говорить проповедь.

Ардмор присвистнул:

– Черт возьми, Джефф, вы не должны были так рисковать!

– Но ведь надо было это выяснить, майор. К тому же я был почти уверен, что в самом худшем случае они меня только остановят, и все.

– Ну пожалуй... Так или иначе, нам все равно приходится рисковать, и вам на месте было, конечно, виднее. Вполне может оказаться, что храбрость – самая лучшая политика. Простите, я вас перебил. И что было дальше?

– Сначала мои конвоиры обалдели от неожиданности и не знали, что делать. Я продолжал, краем глаза наблюдая за ними. Скоро к ним подошел еще один, видимо старший по званию, они посоветовались, и он куда-то ушел. Минут через пять снова появился, встал и смотрит, как я разглагольствую. Я решил, что он ходил звонить куда следует и ему велели меня не трогать.

– А как реагировали люди?

– По-моему, больше всего их поразило то, что белый человек у всех на глазах нарушает установленные правила и это ему сходит с рук. Много говорить я не стал, а только твердил, что «Грядет Ученик!», и всячески разукрашивал эту тему разными красивыми словами. Говорил,

что они должны быть паиньками и не бояться, ибо Ученик грядет, чтобы накормить голодных, исцелить страждущих и утешить скорбящих.

– Хм... Значит, вы надавали обещаний – и нам теперь придется их выполнять.

– Я как раз к этому подхожу, командир. Мне кажется, мы должны срочно открыть в Денвере свой филиал.

– У нас слишком мало людей, чтобы открывать филиалы.

– Разве? Не хотел бы с вами спорить, только я не представляю себе, как мы сможем нанять себе последователей, если не отправимся к ним сами. Сейчас они вполне к этому готовы: будьте уверены, что каждый белый человек в Денвере уже слышал про старика с нимбом – не забудьте про нимб, командир! – который читал проповедь на рынке, и азиаты не посмели его остановить. Да они будут сбегаться к нам толпами!

– Хорошо... Может быть, вы и правы...

– Думаю, что прав. Согласен, мы не можем послать туда никого из основного персонала Цитадели. Но вот что можно сделать. Мы с Алексом пойдем в город, подыщем подходящее здание и начнем службы. На первых порах можно будет обходиться излучателями, вмонтированными в посохи, а потом Шир отделает нам интерьер и установит стационарный излучатель в алтаре. Как только дело наладится, я оставлю там Алекса – и он станет нашим миссионером в Денвере.

Пока Ардмор беседовал с Томасом, в кабинете понемногу собрались все остальные. Ардмор повернулся к Алексу Хау:

– Что вы на это скажете, Хау? Сможете изображать из себя священника, читать проповеди, организовывать благотворительность и все такое?

Горец ответил не сразу.

– Я думаю, майор, мне бы лучше остаться на той работе, которая у меня сейчас.

– Да тут нет ничего трудного, – настаивал Ардмор. – Проповеди для вас могу написать я или Томас. Все, что от вас потребуется, – это не болтать лишнего, глядеть в оба и всех подходящих людей заманивать сюда для вербовки. – Дело не в проповедях, майор. Проповедь я прочитать могу, когда-то в молодости сам был проповедником-мирянином. Но только мне совесть не позволит распространять эту липовую религию. Я знаю, цель у вас благородная, и я согласился быть с вами, но лучше уж я останусь при кухне.

Ардмор тщательно обдумал свои аргументы, а потом очень серьезно сказал:

– Алекс, думаю, я понимаю вашу точку зрения. Я никого не хочу заставлять действовать против совести. Мы бы не пошли на то, чтобы создавать видимость церкви, если бы могли сражаться за Соединенные Штаты как-нибудь иначе. Неужели ваша вера запрещает вам сражаться за свою страну?

– Нет, не запрещает.

– Главной вашей обязанностью в качестве священника будет помогать беспомощным людям. Неужели это не соответствует вашей вере?

– Конечно соответствует. Потому-то я и не могу это делать во имя ложного бога.

– Но разве *это* ложный бог? Или вы считаете, что Господу не все равно, каким именем вы Его называете, если вы делаете то, что Ему угодно? Имейте в виду, – добавил он поспешно, – я не говорю, что этот так называемый храм, который мы тут построили, можно считать домом Божиим. Но разве то, что вы чувствуете в своем сердце, когда поклоняетесь Богу, не важнее, чем слова и обряды, которыми вы при этом пользуетесь?

– Все это верно, майор, то, что вы говорите, – святая правда, только мне это что-то *не по душе*.

Ардмор видел, что Кэлхун прислушивается к их спору с плохо скрытым раздражением, и решил его прекратить. – Алекс, я хотел бы, чтобы вы сейчас пошли и как следует об этом

подумали. Зайдите ко мне завтра, и, если вы не сможете примирить это задание со своей совестью, я дам вам освобождение от воинской службы по причине религиозных убеждений. Вам даже не придется работать на кухне.

– Это уж вовсе ни к чему, майор. Мне кажется...

– Нет-нет. Если вам нельзя одно, то нельзя и другое. Я не хочу никого заставлять действовать вразрез с его верой. Так что идите и подумайте.

И, не дожидаясь ответа, Ардмор поспешно выпроводил его.

Кэлхун больше не мог сдерживаться.

– Ну знаете, майор! В этом заключается ваша стратегия – идти на компромисс с суевериями перед лицом военной необходимости?

– Нет, полковник, не в этом. Но в данном случае то, что вы называете суеверием, – уже существующий факт. Хау – первый пример того, с чем нам придется столкнуться, – с отношением ортодоксальных религий к сфабрикованной нами подделке.

– Может быть, нам следовало подражать какой-нибудь из них? – заметил Уилки.

– Может быть. Очень может быть. Я об этом думал, но ничего подходящего не придумал. Не могу себе представить, чтобы кто-нибудь из нас начал изображать из себя, скажем, пастора обычной протестантской церкви. Я человек не слишком религиозный, но и я бы этого переварить не смог. Возможно, в конечном счете меня беспокоит то же самое, что и Хау. Но у нас нет другого выхода. Мы вынуждены считаться со взглядами других церквей и по возможности не вступать с ними в конфликт.

– Можно вот что сделать, – предложил Томас. – Один из догматов нашей церкви мог бы состоять в том, чтобы допускать и даже поощрять поклонение любым другим богам. Кроме того, всякая церковь нуждается в деньгах, особенно сейчас. Мы могли бы предложить им финансовую поддержку без всяких предварительных условий.

– Да, и то и другое будет полезно, – согласился Ардмор. – Но это штука деликатная. Мы должны использовать любую возможность, чтобы завербовать как можно больше настоящих священников. Будьте уверены, что к нам примкнет каждый американец, как только поймет, куда мы метим. Задача будет состоять в том, чтобы отобрать тех, кому можно доверить нашу тайну. Теперь насчет Денвера, – Джефф, ты готов снова отправиться туда, скажем, завтра?

– А Хау?

– Мне кажется, он все-таки согласится.

– Минутку, майор! – Это был доктор Брукс, который до сих пор, по своему обыкновению, молча слушал. – Мне кажется, лучше было бы подождать день или два, пока Шир не внесет кое-какие изменения в силовые агрегаты посохов.

– Что за изменения?

– Помните, мы экспериментально установили, что эффект Ледбеттера можно использовать для стерилизации? – Да, конечно.

– Благодаря этому мы и можем со спокойной совестью обещать больным исцеление. По сути, мы недооценили возможностей этого метода. На этой неделе я заразил себя сибирской язвой...

– Сибирской язвой?! Господи, доктор, о чем вы думали, когда так рисковали, черт вас возьми?!

Брукс спокойно взглянул на Ардмора.

– Но ведь без этого не обойтись, – начал терпеливо объяснять он. – Эксперименты на морских свинках дали хороший результат, но разработать методику можно только в опытах на человеке. Так вот, я заразил себя сибирской язвой, подождал некоторое время, чтобы дать болезни развиваться, а потом подверг себя ледбеттеровскому облучению на всех диапазонах, кроме тех частот, которые смертельны для теплокровных позвоночных. Болезнь исчезла.

Меньше чем через час в результате естественного преобладания анаболизма над катаболизмом от патологических симптомов не осталось и следа. Я выздоровел.

– Будь я проклят! Как вы думаете, это так же быстро работает на других болезнях?

– Я в этом уверен. Это подтверждают не только эксперименты с другими заболеваниями на животных. Такой же результат дал еще один эксперимент, хоть и непреднамеренный, – впрочем, это можно было предвидеть заранее. Может быть, кто-нибудь из вас заметил, что у меня в последние дни был сильный насморк. Облучение не только вылечило сибирскую язву, но и полностью избавило меня от простуды. А простуду, как вы знаете, вызывают с десятков известных патогенных вирусов и еще столько же неизвестных. Облучение уничтожило их всех без разбора. – Очень рад это слышать, доктор, – сказал Ардмор. – В конечном счете одно это принесет человечеству, может быть, больше пользы, чем любое военное применение эффекта Ледбеттера. Но какое отношение это имеет к организации филиала нашей церкви в Денвере?

– К этому, возможно, и не имеет. Но я позволил себе дать указание Ширу переделать один портативный излучатель, чтобы любой из наших агентов, не имея в руках ничего, кроме посоха, мог исцелять больных. Я думаю, стоит подождать, пока Шир не переделает таким же образом посохи Томаса и Хау.

– Я думаю, вы правы, если это не займет слишком много времени. А можно посмотреть, как его переделали?

Шир продемонстрировал посох, над которым работал. Внешне он ничем не отличался от прочих: это был шест почти двухметровой длины, увенчанный резным набалдашником в форме куба с ребром около четырех дюймов. Грани куба были окрашены в те же цвета, что и стены храма. Причудливые золотые завитушки, арабески и рельефные фигурки на поверхности набалдашника и самого посоха скрывали рукоятки управления блоком питания и излучателем, встроеным в куб.

Не изменив внешнего вида посоха, Шир всего лишь добавил в излучатель дополнительную схему, позволявшую ему генерировать излучение на всех частотах сразу, кроме тех, что смертельны для позвоночных. Для этого нужно было только нажать на определенный золотой листок на поверхности посоха.

Над конструкцией посоха и его оформлением Шир и Грэхем бились долго, стремясь к тому, чтобы органы управления были скрыты за художественным камуфляжем. Они прекрасно сработались, и неудивительно, ведь способности у них были сродни: художник всегда на две трети мастер-ремесленник, а ремесленник в душе всегда отчасти художник.

– Я бы вот что еще предложил, – сказал Брукс, после того как все осмотрели посох и познакомились с его действием. – Нужно, чтобы этот новый эффект был посвящен Тамар, Властительнице Милосердия, и чтобы загорался ее цвет, когда будет включен излучатель.

– Правильно, – согласился Ардмор. – Хорошая идея. Приводя в действие посох, нужно, чтобы он всякий раз светился тем цветом, что закреплен за соответствующим богом, к которому мы якобы взываем. Давайте установим такое правило. И пусть они ломают голову, как простой монохроматический свет может творить чудеса.

– Зачем заниматься всей этой ерундой? – спросил Кэлхун. – Все равно паназиаты не смогут обнаружить эффекты, которые мы используем.

– По двум причинам, полковник. Прежде всего, таким способом мы наведем их на ложный след и введем в заблуждение их ученых, когда те попытаются раскрыть нашу тайну. Не надо недооценивать их способностей. Но еще важнее психологическое действие, которое это окажет на людей, чуждых науке, – и желтых, и белых. Если что-то похоже на чудо, все думают, что это и есть чудо. Научными чудесами обыкновенного американца не удивить, он к ним привык и считает в порядке вещей: «Ну и что, подумаешь! Вам, парни, за это и платят». Но добавьте к этому пару дешевых эффектов и дурацких заклинаний, а главное – не заикайтесь о науке, – и он будет потрясен. Это чудесный рекламный ход.

– Ну ладно, – сказал Кэлхун, явно не желая продолжать разговор, – вам, конечно, лучше знать – у вас, по-видимому, большой опыт по части того, как дурачить публику. Я над такими вещами никогда не задумывался, мое дело – настоящая наука. Если я больше вам здесь не нужен, майор, я пойду, мне нужно работать.

– Конечно, полковник, конечно! Продолжайте, ваша работа имеет первостепенное значение... – Но когда Кэлхун вышел, Ардмор задумчиво добавил: – И все-таки не понимаю, почему психологию масс нельзя считать наукой. Если бы кто-нибудь из ученых в свое время взялся всерьез исследовать то, что прекрасно знает из опыта любой коммивояжер или политик, мы бы, может быть, теперь не оказались в таком положении.

– Кажется, я мог бы вам ответить, – скромно заметил доктор Брукс.

– Что-что? А, конечно, доктор. Что вы хотите сказать?

– Психологию не считают наукой, потому что там все слишком сложно. Научный ум обычно упорядочен, он по природе своей стремится к ясности. Он смущается и старается игнорировать те области, порядок в которых неочевиден, и тяготеет к тем, в которых порядок легко найти, например к физическим наукам. А более сложные предметы он оставляет тем, кто, так сказать, играет на слух. Например, есть достаточно строгая наука термодинамика, но вряд ли в ближайшие годы появится наука психодинамика.

Уилки повернулся к Бруксу:

– Вы в самом деле так считаете, Брукси?

– Конечно, мой дорогой Боб.

Ардмор постучал по столу.

– Это очень интересная тема, и я с удовольствием продолжил бы нашу беседу, но сейчас хватает дел поважнее. Вернемся к нашей церкви в Денвере. – У кого есть еще какие-нибудь предложения?

6

– Очень рад, что мне не придется этим заниматься, – сказал Уилки. – Представления не имею, с чего начинать. – Очень может быть, что вам все-таки придется этим заняться, Боб, – возразил Ардмор. – И всем нам тоже. Черт возьми, была бы у нас хоть сотня-другая людей, на которых можно положиться! Но их нет, а нас только девять человек... – Он помолчал, барабанив пальцами по столу. – Всего девять!

– Вам никогда не заставить полковника Кэлхуна изображать из себя проповедника, – заметил Брукс.

– Ну хорошо, значит, восемь. Сколько в Соединенных Штатах городов, Джефф?

– Фрэнк Митсуи тоже не годится, – продолжал Брукс. – И если уж на то пошло, я хоть и не отказываюсь, но не представляю себе, чем могу быть здесь полезен. Я не умею создавать фальшивые религии. С таким же успехом я мог бы давать уроки танцев.

– Не волнуйтесь, доктор, я в этом понимаю не больше вашего. Будем импровизировать на ходу. К счастью, никаких правил в этих играх не существует – можем изобретать свои собственные.

– Но как вы добьетесь, чтобы это звучало убедительно?

– А нам не надо, чтобы это звучало убедительно. Мы не собираемся никого обращать в свою веру. С теми, кто уверует по-настоящему, будут только лишние хлопоты. Нам нужно одно – чтобы наши повелители сочли новую религию законной. А для этого особой убедительности не понадобится – всякая религия при ближайшем рассмотрении выглядит глуповато. Вот, например... – Ардмор поймал взгляд Ширы и сказал: – Прошу прощения, я никого не хочу обидеть. Тем не менее это факт, и мы должны им воспользоваться в военных целях. Возьмите любую религиозную мистерию, любой теологический догмат – если пересказать их на обычном языке, всякому постороннему человеку они покажутся полной чушью. Начиная от ритуального, символического поедания человеческой плоти и крови, которое практикуют все христианские секты, и кончая прямым людоедством, которым занимаются дикари.

Подождите! – продолжал он. – Не надо бросать в меня тяжелыми предметами! Я не осуждаю *никакую* веру или религиозные обычаи, я просто хочу сказать, что мы вольны делать что угодно, если только это будет называться религиозным ритуалом и не вызовет возражений у желтомордых макак. Но мы должны решить, что именно собираемся делать и что будем при этом говорить.

– Что мы будем говорить, по-моему, не так уж важно, – сказал Томас. – Я ничего такого не говорил, кроме красивых слов, и все сошло прекрасно. Важно другое – как нам на самом деле пустить корни в городах. У нас для этого просто не хватит людей. Вы именно об этом подумали, когда спросили меня, сколько в стране городов?

– Хм... Ну да. Мы не рискнем действовать, пока не охватим все Соединенные Штаты. Придется готовиться к долгой войне.

– Майор, а зачем нам нужно охватить все города до единого?

Ардмор внимательно посмотрел на Томаса:

– Продолжайте.

– Видите ли, – осторожно начал Томас, – судя по тому, что мы уже знаем, паназиаты не держат гарнизонов в каждом поселке. Их армия сосредоточена в шестидесяти или семидесяти местах. А в большинстве мелких городишек есть только сборщик налогов, мэр и начальник полиции в одном лице, который присматривает за исполнением приказов Десницы. Собственно говоря, такие местные начальники – даже не военные, хоть и носят оружие и одеты в форму. Они что-то вроде заместителей – гражданские чиновники в должности военных губернаторов. Мне кажется, мы вполне можем не принимать их в расчет: они не продержатся у вла-

сти и пяти минут, если лишатся поддержки гарнизона, расположенного в ближайшем большом городе.

Ардмор кивнул:

– Я понимаю, что вы хотите сказать. Вы считаете, что нужно заниматься только городами и поселками, где стоят гарнизоны, а на остальные махнуть рукой. Но имейте в виду, Джефф, – не стоит недооценивать противника. Если великий бог Мот будет являться только там, где стоят гарнизоны, это может показаться странным кому-нибудь из паназиятской службы безопасности, если ему вздумается поинтересоваться статистикой местных религий. Я считаю, что наша церковь должна быть *вездесущей*.

– А я, со всем уважением, считаю, сэр, что это невозможно. У нас не хватит рук. Не так просто будет набрать и обучить даже столько людей, чтобы организовать по церкви хотя бы в каждом крупном городе.

Ардмор задумался, грызя ноготь. Вид у него был разочарованный.

– Вы, наверное, правы, – сказал он наконец. – Черт возьми, но ведь мы вообще ничего не добьемся, если будем сидеть тут и ломать себе голову над будущими трудностями. Я же говорю, что придется импровизировать на ходу. Вот этим мы и займемся. Сначала надо организовать штаб-квартиру в Денвере. Джефф, что вам для этого понадобится?

Томас нахмурился:

– Не знаю. Деньги, наверное.

– Это не проблема, – сказал Уилки. – Сколько надо? Я легко могу сделать хоть полфунта, хоть полтонны золота. – Не думаю, чтобы я смог унести больше пятидесяти фунтов.

– Но ему не так просто будет реализовать слитки, – заметил Ардмор. – Нужна звонкая монета.

– Годятся и слитки, – возразил Томас. – Я просто отнесу их в Имперский банк. Добыча золота разрешена и даже поощряется, только когда меняешь его на деньги, наши добрые повелители оставляют себе изрядный процент.

Ардмор покачал головой:

– Вы забываете о том, как это будет выглядеть. Священнику в мантии и с нимбом над головой не к лицу лезть в карман за чековой книжкой и авторучкой. Это выпадает из образа. И вообще, счет в банке вам ни к чему: по нему противник сможет в точности выяснить, чем вы занимаетесь. Вы должны за все расплачиваться красивыми, новенькими, сверкающими золотыми монетами. Это произведет огромное впечатление. Шир, вы умеете делать фальшивые монеты?

– Никогда не пробовал, сэр.

– Самое время начать. У нас каждый должен иметь вторую профессию. Джефф, когда вы были в городе, вам не представился случай раздобыть хотя бы одну имперскую золотую монету? Нам нужен образец.

– Нет. Но думаю, что монету можно будет достать, – я дам знать своим хобо, что мне нужно.

– Ненавижу ждать. Но без денег соваться в Денвер не стоит.

– А это обязательно должны быть монеты империи? – спросил доктор Брукс.

– Что-что?

Биолог выудил из кармана золотой пятидолларовик:

– Эту монетку я с детства ношу с собой на счастье. По-моему, время настало, пора пустить ее в оборот.

– Хм... Что вы об этом скажете, Джефф? Можно будет расплачиваться американскими деньгами?

– Ну, бумажные деньги не годятся, а что до золотых монет... Сдается мне, эти кровопийцы возражать не станут, лишь бы монеты были золотые. Во всяком случае, по цене лома их принимать будут. А уж американцы от таких не откажутся.

– По какой цене их будут принимать, не так важно. – Ардмор бросил монету Ширу. – Сколько времени вам понадобится, чтобы изготовить сорок или пятьдесят фунтов вот таких? Сержант внимательно осмотрел монету.

– Не так уж много, если их не чеканить, а отливать. Вы хотите, чтобы все они были одинаковые, сэр?

– А почему бы и нет?

– Видите ли, на них стоит год выпуска.

– А, понимаю. Ну ничего не поделаешь – это наш единственный образец. Будем надеяться, что они не обратят внимания или не придадут этому значения.

– Если вы дадите мне немного больше времени, сэр, то, думаю, я мог бы кое-что сделать. Я отолью штук двадцать в точности таких же, а потом вручную награвировую разные годы. Получится двадцать разных образцов, а не один.

– Шир, у вас душа художника. Так и сделайте. И заодно постарайтесь, чтобы на них были царапины и вмятины, на всех разные.

– Я уже об этом подумал, сэр.

Ардмор усмехнулся:

– Похоже, мы сумеем доставить его императорскому мерзейшеству множество неприятностей. Ну, что еще, Джефф? Есть какие-нибудь вопросы или можно закрывать заседание?

– Только один вопрос, командир. Как мне добраться до Денвера? Или нам, если Хау все-таки согласится?

– Я ждал, когда вы об этом вспомните. Дело непростое: вряд ли Десница даст вам вертолет, как бы вы его ни просили. А если на своих двоих? У вас, надеюсь, нет плоскостопия или каких-нибудь там мозолей?

– Будь я проклят, если это доставит мне удовольствие. До Денвера далековато.

– Ничего не поделаешь. Хуже всего то, что с этой проблемой придется сталкиваться постоянно, если мы хотим распространить нашу организацию на всю страну.

– Я не понимаю, в чем тут трудность, – вмешался Брукс. – По-моему, населению все же разрешено пользоваться транспортом, кроме воздушного.

– Ну да, только нужно получить пропуск, а это сплошная волокита. Ничего, – продолжал Ардмор, – настанет день, когда одеяние жреца бога Мота само по себе будет пропуском куда угодно. Если мы правильно себя поведем, мы сделаемся их любимчиками и получим всевозможные привилегии. Но пока надо доставить Джеффа в Денвер так, чтобы не привлечь к нему излишнего внимания и не натрудить ему ноги. Скажите-ка, Джефф, а как вы сегодня добирались до города? Мы это совсем упустили.

– На попутных машинах. Тоже не такое уж простое дело. Большая часть водителей слишком боится полиции и не хочет рисковать.

– Нет, это никуда не годится, Джефф. Жрец бога Мота не должен просить, чтобы его подвезли. Это никак не вяжется с чудесами.

– А что же, по-вашему, следовало делать? Черт возьми, майор, если бы я шел пешком, я бы и до сих пор не вернулся. А скорее всего, меня бы сгреб первый же полицейский, до которого еще не дошли последние новости, – возразил Томас с необычным для него раздражением.

– Прошу прощения, Джефф, я не должен был к этому цепляться. Но нам придется придумать что-нибудь получше.

– А что, если мне просто подбросить его на одной из наших машин-разведчиков? – спросил Уилки. – Ночью, разумеется.

– Радары работают и по ночам, Боб. Вас попросту собьют.

– Не думаю. В нашем распоряжении огромные запасы энергии, иногда мне и думать страшно, как они велики. Я, пожалуй, мог бы соорудить такое устройство, которое сожжет любой направленный на нас радар.

– Ага. И заодно сообщить врагу, что здесь еще остались люди, которые разбираются в электронике? Нет, раскрывать наши карты еще рано, Боб.

Уилки сконфуженно умолк. Немного подумав, Ардмор сказал:

– Впрочем, рисковать все равно придется. Сооружайте ваше устройство, Боб, и летите всю дорогу на бреющем полете. Мы вас отправим часа в три-четыре ночи – есть шанс проскочить незамеченными. А если надо будет, пускайте это устройство в ход. Только потом *все* должны немедленно возвратиться на базу. Нельзя, чтобы кто-нибудь сообразил, что тут замешаны жрецы бога Мота. Даже время не должно совпадать. То же самое относится и к вам, Джефф. Если на вас нападут после того, как Уилки доставит вас на место, пускайте в ход эффект Ледбеттера и уничтожьте всех солдат, кто окажется поблизости, а сами тут же уходите в подполье. Паназиаты ни при каких обстоятельствах не должны догадаться, что жрецы Мота способны на что-нибудь еще, кроме произнесения проповедей. Ликвидируйте свидетелей и исчезайте.

– Будет сделано, командир.

Маленькая машина-разведчик зависла над Лукаут-Маунтин в нескольких футах от могилы Буффало Билла. Люк распахнулся, и на землю тяжело прыгнул человек в мантии, чуть не упав при этом: с его плеч и талии свисал тяжелый пояс с золотом. За этим человеком последовала вторая такая же фигура, но приземлилась она более уверенно. – Все в порядке, Джефф?

– Вполне.

Уилки временно переключил управление на автомат, высунул голову в иллюминатор и крикнул:

– Удачи вам!

– Спасибо. А теперь заткнись и лети обратно.

– Ладно.

Люк захлопнулся, и машина исчезла в ночи.

Уже рассветало, когда Томас и Хау спустились к подножию горы и направились в сторону Денвера. По-видимому, никто их не заметил, хотя один раз им пришлось, затаив дыхание, несколько минут просидеть в кустах, прячась от проходившего мимо патруля. Джефф держал наготове свой посох, положив большой палец на золотой листок под набалдашником. Но патруль миновал их, не догадываясь, какие рукотворные молнии на него нацелены.

Когда они добрались до города, было уже светло. Теперь они больше не прятались. В такой ранний час паназиатов на улицах почти не было: они еще спокойно спали, хотя рабы уже спешили на работу. При виде Томаса и Хау американцы только с любопытством посматривали на них, но не останавливались и не пытались с ними заговорить. Все уже твердо усвоили первейший закон любого полицейского государства – никогда не совать нос не в свое дело.

Заметив вдали направлявшегося к ним паназиата-полицейского, Джефф и Алекс сошли с тротуара, включили защитные экраны и стали ждать. Американцев поблизости не было видно, – стоило появиться полиции, как улица пустела. Джефф облизнул пересохшие губы и сказал:

– Я буду говорить, Алекс.

– Идет.

– Вот он. Господи, Алекс, включи же нимб!

– Сейчас.

Хау залез пальцем под тюрбан за правым ухом, и тут же у него над головой вспыхнул радужный мерцающий нимб. Это было всего лишь свечение ионизированного воздуха, про-

стой трюк для приборов с дополнительными спектрами излучения, куда менее загадочный, чем естественное полярное сияние, но выглядел нимб очень эффектно.

– Так-то лучше, – вполголоса сказал Джефф. – А что у тебя с бородой?

– То и дело отклеивается. Я вспотел.

– Смотри, чтобы не отклеилась не вовремя! Сейчас он подойдет.

Томас встал в позу благословения, Хау последовал его примеру.

– Мир тебе, повелитель, – произнес Джефф нараспев.

Полицейский остановился. Его познания в английском языке ограничивались лишь несколькими приказаниями: «Стой!», «Иди!», «Предъяви карточку!», а во всех остальных случаях он объяснялся с рабами при помощи дубинки. Однако одеяния на этих белых показались ему знакомыми – точно такие были изображены на объявлениях, только что расклеенных в казарме, где говорилось, что это еще одно дурачество, дозволенное рабам.

Тем не менее раб есть раб и должен знать свое место. Он должен поклониться, а эти два раба не кланялись. Полицейский замахнулся дубинкой, чтобы ударить в живот того, кто стоял ближе. Однако дубинка, не достигнув цели, отскочила назад с такой силой, что у него заныла рука, как будто он с размаху стукнул по чему-то очень твердому.

– Мир тебе! – повторил Джефф, следя за каждым движением паназията.

Парень был вооружен вихревым пистолетом; Джеффу он был не страшен, но в его планы не входило демонстрировать этому созданию, что оружие против него бессильно. Он жалел о том, что пришлось привести в действие защитный экран, и надеялся, что полицейский просто не поверит своим глазам и ощущениям.

Тот стоял в полном недоумении. Он удивленно посмотрел на свою дубинку, замахнулся еще раз, но передумал и решил прибегнуть к своему скудному запасу английских слов.

– Иди!

Джефф снова воздел руку:

– Мир тебе! Не подобает фарджону рипснить каскопады на глазах великого бога Мота!
Франшоп!

И он указал другой рукой на Хау.

Полицейский бросил на него непонимающий взгляд, отступил на несколько шагов, огляделся вокруг и засвистел в свисток.

– Зачем ты показал на *меня*? – спросил Алекс шепотом.

– Не знаю. Так просто. Не зевай!

Подбежал еще один полицейский, очевидно постарше чином, и оба осторожно приблизились к Томасу и Хау, обмениваясь короткими замечаниями на своем певучем языке. Второй полицейский шагнул вперед и достал пистолет.

– Ну-ка, парни, пошли быстро!

– Идем, Алекс! – Томас выключил защитный экран и последовал за полицейским, надеясь, что Алекс сделает то же самое: рекламировать чудесные свойства экранов пока не стоило.

Паназияты отвели их в ближайший полицейский участок. Джефф шел, благословляя всех, кто попадался навстречу. Когда участок был уже близко, старший полицейский послал младшего вперед, и в дверях их встретил дежурный офицер – видно было, что ему не терпится поглядеть, какой необычный улов доставили его подчиненные.

Кроме нетерпения, он испытывал и некоторую тревогу, потому что знал, какая судьба постигла несчастного лейтенанта, первым обнаружившего этих странных святых людей. Он твердо решил, что не повторит его ошибки и не потеряет лицо.

Джефф подошел к нему, встал в позу и произнес:

– Мир тебе! Повелитель, я должен пожаловаться тебе на твоих слуг. Они помешали нам делать свое святое дело, которое получило благословение его светлости, Десницы императора!

Офицер неуверенно помахал в воздухе своей тростью, что-то сказал подчиненным и снова повернулся к Джеффу:

– Кто ты?

– Слуга великого бога Мота.

Тот же вопрос паназият задал и Алексу, но Джефф не дал ему ответить.

– Повелитель, – сказал он поспешно, – это очень святой человек, он дал обет молчания.

Если ты заставишь его нарушить обет, грех падет на твою голову.

Офицер колебался. В объявлении ясно говорилось, что трогать этих сумасшедших дикарей не следует, но там не было сказано, как же с ними обращаться. Ему очень не хотелось создавать прецедент – те, кто шли на такое, иногда получали повышение, но чаще присоединялись к своим праотцам.

– Пусть соблюдает свой обет. Покажите мне свои карточки.

Джефф изобразил на лице изумление:

– Мы ничтожные слуги великого бога Мота, у нас нет даже имен, зачем нам эти карточки?

– Карточки, быстро!

Стараясь сохранить спокойствие, Джефф грустно сказал:

– Мне жаль тебя, юный повелитель. Я буду молиться за тебя великому Моту. Но сейчас я вынужден просить отвести меня к Деснице императора, и немедленно.

Эту речь он прорепетировал несколько раз и надеялся, что она произведет нужное действие.

– Это невозможно!

– Его высочество уже говорил со мной, он будет говорить со мной еще раз. Десница императора всегда готов встретиться со слугами великого бога Мота.

Офицер взглянул на него, повернулся и вошел в полицейский участок. Томас и Хау остались ждать на улице.

– Как ты думаешь, он в самом деле прикажет отвести нас к наместнику? – шепотом спросил Хау.

– Надеюсь, что нет. Не думаю.

– А что ты будешь делать, если и правда ответит?

– Там будет видно. И вообще заткнись, ты же дал обет молчания.

Через несколько минут офицер снова появился и бросил:

– Вы можете идти.

– Куда? К Деснице императора? – злорадно спросил Джефф.

– Нет, нет! Просто идите! Убирайтесь с моего участка! Джефф отступил на шаг, в последний раз благословил его, и оба «священника» удалились. Уголкем глаза Джефф успел заметить, как офицер поднял трость и с силой опустил ее на голову старшего из полицейских, но сделал вид, что ничего не видел.

Они прошли пару кварталов, прежде чем Джефф сказал Хау:

– Ну вот, на некоторое время они от нас отстанут.

– Почему ты так решил? Он на нас зол, как черт.

– Не в этом дело. Нельзя, чтобы он или какой-нибудь другой коп думал, будто может нами командовать, как простыми смертными. Мы не успеем пройти трех кварталов, как весь город будет знать, что я вернулся и что меня не задержали. Так и должно быть впредь.

– Может быть, только мне все равно кажется, что не стоит настраивать против себя полицейских.

– Ты не понимаешь, – с досадой сказал Джефф. – Безопасного способа нет. Только так с ними и можно. Копы – это копы, какого бы цвета они ни были. Они действуют страхом и понимают только страх. Как только до них дойдет, что нас трогать нельзя, что к нам привязы-

ваться опасно, они станут разговаривать с нами так же почтительно, как со своим начальством. Вот увидишь.

– Надеюсь, ты прав.

– Так оно и будет. Копы есть копы. Погоди, они еще станут на нас работать. О! Смотри, Алекс, вон еще один идет!

Быстро догонявший их паназиат не стал ни обгонять их, ни останавливать, а перешел на другую сторону улицы и пошел с ними вровень, делая вид, будто никого не замечает.

– Как по-твоему, что у него на уме, Джефф?

– Это наш почетный эскорт. Вот и хорошо, Алекс, теперь ни одна макака к нам и близко не подойдет. Можем спокойно заняться своим делом. Ты, должно быть, хорошо знаешь город? Где, по-твоему, нам следует устроить храм?

– Смотря что нам нужно.

– Этого я сам толком не знаю. – Он остановился и утер пот со лба: мантия оказалась довольно теплой, а под ней был еще спрятан тяжелый пояс с золотом. – Сейчас, когда я здесь, вся эта затея кажется мне довольно глупой. Должно быть, не гожусь я в тайные агенты. Не устроить ли его в Вест-Энде, где живут те, кто побогаче? Мы должны произвести хорошее впечатление.

– Нет, не думаю, Джефф. Сейчас в богатых кварталах живут только два сорта людей.

– Это какие?

– Паназиаты и предатели – торговцы с черного рынка и прочие коллаборационисты.

Томас брезгливо поморщился:

– Должно быть, я отстал от жизни. Знаешь, Алекс, до этой минуты мне и в голову не могло прийти, что американец – *любой* американец – способен сотрудничать с завоевателями.

– Я бы тоже не поверил, если бы не видел этого своими глазами. Думаю, некоторые люди – с самого рождения шлюхи.

Они присмотрели в центре города заброшенный склад недалеко от реки, в многолюдном и бедном районе. Район и раньше был запущен, но теперь превратился в настоящие трущобы. Три четверти магазинов стояли заколоченные: торговля почти прекратилась. Опустевших складов было множество – этот Томас выбрал потому, что здание имело почти кубическую форму, как их главный храм и навершие посоха. Кроме того, он был отделен от соседних построек с одной стороны переулком, а с другой – пустырем.

Дверь склада была взломана. Они осторожно заглянули туда, потом вошли внутрь и осмотрелись. Повсюду валялся какой-то хлам, но стены были прочные, и водопровод действовал. Весь первый этаж занимало просторное помещение высотой в двадцать футов, с несколькими колоннами, вполне подходящее для «богослужений».

– По-моему, годится, – решил Джефф. Из кучи мусора у стены выскочила крыса, он не задумываясь направил на нее свой посох, крыса высоко подпрыгнула в воздухе и упала замертво. – Как бы нам его купить?

– Американцы не имеют права владеть недвижимостью. Придется разыскать того чиновника, который наживает на его аренде.

– Ну, это, наверное, будет нетрудно.

Они вышли. Сопровождавший их полицейский поджидал на углу, старательно глядя в другую сторону.

Улицы уже заполнились народом – даже в этом депрессивном районе. Томас поймал за рукав пробежавшего мимо мальчишку, на вид ему было лет двенадцать, но у него был цепкий, умный взгляд повидавшего виды мужчины. – Мир тебе, дитя. Кто арендует этот склад?

– Пустите меня!

– Я тебе ничего не сделаю.

Он сунул мальчишке одну из самых лучших пятидолларовых монет, вышедших из рук Шира. Мальчишка посмотрел на нее, потом на азиата-полицейского, все еще стоявшего на другой стороне улицы. Тот, казалось, не обращал на них внимания, и монета исчезла у мальчишки в кармане.

– Поговорите с Конски. Все такие штуки по его части.

– Кто такой Конски?

– Все знают, кто такой Конски. Послушай, дед, а что это ты так вырядился? Смотри, как бы косолазые не прицепились.

– Я служу великому богу Моту. Бог Мот хранит своих слуг. Отведи нас к этому Конски.

– Ничего не выйдет. Я с косолазыми не путаюсь.

Мальчишка попытался вырваться, но Джефф, продолжая крепко держать его, достал еще одну монету и показал ему:

– Не бойся. Владыка Мот не даст в обиду и тебя.

Мальчишка посмотрел на монету, оглянулся по сторонам и сказал:

– Ну ладно, пошли.

Они свернули за угол и подошли к невысокому офисному зданию, в нижнем этаже которого помещалась пивная.

– У него контора вон там, наверху.

Джефф отдал мальчишке вторую монету.

– Приходи к нам в тот склад, – сказал он. – У бога Мота найдутся для тебя еще подарки.

– По-моему, это было лишнее, – заметил Алекс, когда они поднимались по лестнице.

– Ничего, парень неплохой, – ответил Джефф. – Конечно, жизнь сделала из него уличного мальчишку, но он на нашей стороне. Он всем про нас будет рассказывать. Кроме азиатов.

Конски оказался вкрадчиво-подозрительным человеком. Скоро стало ясно, что у него «есть связи», но от разговора о деле он всячески уклонялся до тех пор, пока не увидел наличные. После этого его уже ничуть не смущали ни необычная одежда, ни странное поведение посетителей (Томас разыграл перед ним всю церемонию, включая благословение, хотя и понимал, что особого впечатления это не произведет, – просто ему не хотелось выходить из образа). Он выяснил, о каком здании идет речь, долго торговался из-за платы за аренду и «за особые услуги» – так он назвал взятку, – а потом куда-то ушел.

Томас и Хау были рады, что на некоторое время остались одни. Непрерывно изображать «святых людей» было довольно утомительно; к тому же с того момента, как они покинули Цитадель, у них не было ни крошки во рту. Джефф извлек из-под своей мантии несколько бутербродов, и они перекусили. Весьма кстати рядом с кабинетом Конски нашелся туалет.

Три часа спустя они уже стали обладателями документа на двух языках, где говорилось, что Небесный император соизволил предоставить своим верноподданным таким-то то-то и то-то, – короче говоря, договора об аренде склада. За дополнительную изрядную сумму Конски взялся в тот же день прислать рабочих, чтобы произвести там уборку и необходимый ремонт. Джефф поблагодарил его и с невозмутимым видом пригласил посетить первую же службу в новом храме.

Они снова направились к складу. Выйдя из конторы Конски, Джефф сказал:

– Знаешь, Алекс, нам, конечно, еще придется иметь дело с этим типом, но когда настанет день... В общем, я веду небольшой список, и он там стоит первым. Я хочу сам с ним посчитаться.

– Оставь немного на мою долю, – сказал Хау.

Когда они подошли к складу, откуда-то появился тот самый мальчишка:

– Еще чего-нибудь нужно, дед?

– Благослови тебя Бог, сынок. Да, кое-что нужно.

Получив еще кое-какое вознаграждение, мальчишка отправился добывать для них койки и постельное белье. Джефф посмотрел ему вслед и сказал:

– Я думаю, надо сделать из него служку при алтаре. Он может бывать в таких местах, куда нам не попасть, и делать то, чего мы не можем. К тому же его вряд ли станут останавливать полицейские.

– Я бы не советовал ему доверять.

– А я и не стану. Он будет знать только одно: мы с тобой – двое полоумных, которые убеждены, что служат великому богу Моту. Мы ни одному человеку не имеем права доверять, Алекс, пока не будем абсолютно в нем уверены. Ну пошли, надо перебить здесь крыс, пока не пришли рабочие. Дай-ка я проверю регулировку твоего посоха.

К концу дня Первый денверский храм великого Мота уже действовал. Правда, на вид он еще ничем не отличался от обычного склада и не имел пока ни одного прихожанина. Но весь мусор был убран, в воздухе стоял густой запах дезинфекции, и входную дверь уже можно было запереть. В углу стояли две койки и имелся запас еды не меньше чем на две недели.

А на другой стороне улицы по-прежнему торчал полицейский.

Полиция не спускала с них глаз еще четыре дня. Дважды отряды полицейских обыскивали все здание. Томас не противился: скрывать им было пока нечего. По-прежнему единственным источником энергии были их посохи, а единственный коммуникатор Ледбеттера, который им выдали, днем превращал Хоу в горбуна – он носил коммуникатор на спине под мантией, а Томас прятал под своей пояс с деньгами.

За это время им удалось при содействии Конски обзавестись быстрым и мощным автомобилем и разрешением ездить на нем как самостоятельно, так и с шофером по всему округу, находящемуся под юрисдикцией Десницы. Эта «особая услуга» обошлась им очень недешево. Нашли и шофера, но уже *без* помощи Конски, а через Малыша Дженкинса – того самого мальчишку, который помогал им в первый день.

На четвертый день, около полудня, полиция сняла наблюдение. В тот же день Джефф оставил Хау стеречь храм и на машине отправился в Цитадель. Обрато он вернулся в сопровождении Ширы, тоже наряженного, к большому его неудовольствию, в мантию и бороду, которые ему совершенно не шли. Шир привез с собой ящик кубической формы, раскрашенный в шесть священных цветов бога Мота. Когда они вошли в храм и заперли двери, Шир открыл ящик, соблюдая большие предосторожности во избежание взрыва, который разнес бы вдребезги все здание, и занялся сооружением «алтаря». К полуночи работа была закончена. Оставалось еще сделать кое-что снаружи, пока Томас и Хау стояли на страже, готовые оглушить или, если нужно, прикончить всякого, кто попытался бы помешать Ширу.

Первые лучи утреннего солнца озарили изумрудно-зеленый фасад храма. Остальные стены сияли красным, золотистым и небесно-голубым цветом. Храм бога Мота был готов принять новообращенных – и кое-кого еще.

И самое главное – войти в дверь храма беспрепятственно теперь мог только человек белой расы.

За час до рассвета Джефф занял пост у дверей и принялся ждать, стараясь преодолеть волнение. В столь внезапно преобразившийся склад неминуемо должны были явиться солдаты для очередного обыска. Нужно было остановить их – а если необходимо, оглушить или даже убить, но ни в коем случае не допускать в храм. Он надеялся убедить их, что храм – неприкосновенная территория, куда имеют доступ только принадлежащие к расе рабов. Однако чрезмерное рвение со стороны какого-нибудь мелкого чиновника вынудило бы его прибегнуть к решительным мерам, а это лишило бы их надежды на мирное распространение новой религии.

Из двери храма вышел Хау и неслышно подошел к нему. Томас вздрогнул от неожиданности.

– Кто?! А, это ты, Алекс? Больше так не делай, я и без того дергаюсь.

– Извини. Майор Ардмор на связи. Хочет знать, как дела.

– Поговори с ним сам, я не могу отойти от двери.

– Он еще хочет знать, когда вернется Шир.

– Скажи, что я его сразу же отошлю, когда буду уверен, что выйти отсюда неопасно. Но ни минутой раньше. – Хорошо.

Хау ушел. Джефф оглядел улицу и насторожился: какой-то паназиат в форме с любопытством разглядывал храм. Через минуту он двинулся прочь быстрой рысцой – солдаты Паназии всегда передвигались таким способом, находясь при исполнении служебных обязанностей.

«Ну, Мот, держись, – сказал про себя Джефф. – Пришел твой черед».

Не прошло и десяти минут, как появился отряд солдат под командованием офицера, который раньше уже обыскивал здание.

– Дай нам войти, святой человек.

– Нет, повелитель, – твердо ответил Джефф. – Храм уже освящен. Никто не может войти в него, кроме тех, кто поклоняется великому богу Моту.

– Мы не сделаем вашему храму ничего плохого, святой человек. Дай войти.

– Повелитель, если вы войдете, я не смогу уберечь вас от гнева владыки Мота. И от гнева Десницы императора тоже. – Прежде чем офицер успел над этим задуматься, Джефф поспешно продолжал: – Великий бог Мот ожидал вашего визита и повелел вас приветствовать. Он поручил мне, своему ничтожному слуге, передать вам три дара.

– Три дара?

– Для вас... – Джефф вложил ему в руку тяжелый кошелек, – для вашего старшего офицера, да будет благословенно его имя... – (за первым кошельком последовал второй), – и для ваших солдат.

Он протянул третий кошелек, и теперь у паназиата были заняты обе руки.

Некоторое время офицер стоял в нерешительности. По весу кошельков он не мог не понять, что в них находится. Ему в жизни не приходилось держать в руках столько золота. Несколько мгновений спустя он повернулся, что-то отрывисто приказал солдатам и зашагал прочь.

Из двери храма снова вышел Хау.

– Ну как, Джефф, обошлось?

– На этот раз как бы да. – Томас проводил взглядом удалявшихся солдат. – Копы во всем мире одинаковы. Знал я одного такого сержанта из железнодорожной полиции...

– Как ты думаешь, он поделится золотом?

– Ну, солдатам не достанется ничего, это точно. Со своим начальником, возможно, поделится, чтобы держал язык за зубами. Думаю, третий кошелек он где-нибудь припрячет еще по дороге к участку. Важнее другое – *честный* он политик или нет.

– То есть как?

– Честный политик – это такой, кто продается только один раз. Пойдем, пора готовиться, сейчас явятся клиенты.

В тот вечер в храме состоялось первое богослужение. Оно вышло не слишком внушительным – Джефф только еще учился священнодействовать. Они решили последовать старому доброму обычаю миссионеров: сначала пение, потом еда. Но еда была отменная – по хорошему куску мяса с белым хлебом. Ничего подобного прихожане не пробовали уже много месяцев.

7

– Алло! Алло! Джефф, это вы? Вы меня слышите?

– Слышу, слышу, майор. Можете так не кричать.

– Терпеть не могу эту чертову связь. Куда лучше обыкновенный телефон – такой, где *видно*, с кем говоришь.

– Был бы у нас обыкновенный телефон, наши друзья-азиаты могли бы нас подслушивать. А почему бы вам не попросить Боба с полковником устроить видеоканал? Уверен, что им бы это ничего не стоило.

– Боб уже придумал, как это сделать, но Шир занят выше головы – собирает установки для алтарей, и мне не хочется его отвлекать. Вы не могли бы подыскать хоть несколько человек ему в помощь? Механика, например, а лучше двоих, и радиотехника. С производством у нас никак дело не ладится, Шир уже с ног валится. Мне каждый вечер приходится приказывать ему, чтобы шел спать.

Томас подумал.

– Есть тут у меня один человек. Бывший часовщик.

– Часовщик? Замечательно!

– Ну не знаю. Он немного не в себе, у него всю семью перебили. Тяжелый случай, почти как у Фрэнка Митсуи. Кстати, как там Фрэнк? Приходит в себя?

– Кажется, да. Не совсем, конечно, но он как будто очень увлечен работой. На нем теперь и кухня, и вся канцелярия, которую вели вы.

– Привет ему от меня.

– Хорошо. Теперь об этом часовщике. Когда будете вербовать людей для Цитадели, можно их отбирать не так тщательно, как для оперативной работы. Раз уж они попадут сюда, им отсюда не выйти.

– Знаю. Когда я направил к вам Эстеллу Дивенс, я не стал особо ее проверять. Но я бы ее к вам не послал, если бы ее не собирались забрать и отправить за океан в веселый дом.

– Вы все сделали правильно. Эстелла молодец. Она помогает Фрэнку на кухне, шьет вместе с Грэхемом мантии, а Боб Уилки обучает ее работать с парарадио. – Ардмор усмехнулся. – У нас, кажется, возникают сексуальные проблемы. По-моему, Боб в нее втрескался.

– Правда? – Голос у Томаса неожиданно стал серьезным. – Командир, а не начнутся из-за этого какие-нибудь истории?

– Не думаю. Боб – человек порядочный, а Эстелла – замечательная девушка, можете мне поверить. Если биология начнет мешать работе, я возьму и поженю их – как верховный священник наивеличайшего бога Мота.

– Боб не согласится. Если хотите знать, он в душе немного пуританин.

– Ну тогда как высший гражданский чиновник в этой нашей деревушке. Не придирайтесь. Или пришлите мне сюда настоящего священника.

– А что, если прислать еще несколько женщин, майор? Когда я направлял к вам Эстеллу, то ни о чем таком не думал, но тут хватает молодых женщин, которым помощь нужна не меньше, чем ей.

После долгой паузы Ардмор ответил:

– Капитан, это очень трудный вопрос. К моему большому сожалению, я все-таки вынужден сказать, что мы подразделение армии США и находимся в боевой обстановке и мы не миссия для спасения людей. Вербовать женщин вы должны только для выполнения определенных функций, которые им свойственны. Ни в каком другом случае вербовать женщин не следует. Даже ради того, чтобы спасти их от веселых домов Паназии.

– Хорошо, сэр. Слушаюсь. Не надо было мне посылать к вам Эстеллу.

– Ну, что сделано, то сделано. С ней-то все как будто в порядке. И если женщина нам подходит, смело ее вербуйте. Похоже, война кончится не скоро, и я думаю, что нам будет легче поддерживать боевой дух, если здесь будет смешанное общество, а не чисто мужская компания. Без женщин мужчинам трудно, они теряют перспективу. Но в следующий раз лучше пришлите кого-нибудь постарше – какую-нибудь такую мать-настоятельницу или дуэнью. Например, профессиональную медсестру средних лет. Чтобы могла помогать Бобу в лаборатории и в то же время стала для них вроде приемной матери.

– Постараюсь.

– И пришлите того часовщика. Он нам позарез нужен.

– Сегодня же вечером устрою ему проверку под сывороткой правды.

– А это необходимо, Джефф? Если паназиаты перебили его семью, ясно, на чьей он стороне.

– Это *он* так говорит. Мне будет спокойнее, когда я услышу от него то же самое после укола. Вдруг его подослали?

– Хорошо, вы правы, как всегда. Делайте свое дело, а я буду заниматься своим. Джефф, когда вы сможете передать храм Алексу? Вы нужны мне здесь.

– Алекс мог бы принять его хоть сейчас и продолжать то, что мы начали. Но насколько я понимаю, моя главная задача – искать и вербовать «священников», которых можно будет посылать на самостоятельную работу – создавать новые ячейки.

– Это верно, но разве Алекс не сможет это делать? В конце концов, окончательную проверку они проходят здесь. Мы ведь решили, что ни один человек не должен узнать, чем мы на самом деле занимаемся, пока не окажется здесь, в Цитадели, под нашим контролем. Так что, если Алекс ошибется и пришлет не того, кого нужно, ничего страшного не случится.

Джефф еще раз мысленно взвесил то, что собирался сказать.

– Послушайте, командир, вам оттуда, может быть, представляется, что все очень просто, но на самом деле это совсем не так. Мне кажется...

Он умолк.

– В чем дело, Джефф? Нервы сдают?

– Наверное.

– Почему? По-моему, операция идет по плану.

– Пожалуй... Может быть. Майор, вы сказали, что война кончится не скоро.

– Да.

– Так вот, лучше бы она кончилась *поскорее*. Иначе мы можем ее проиграть.

– Но она *не может* скоро кончиться. Мы не имеем права начинать активные действия, пока у нас не будет достаточно верных людей, чтобы нанести удар сразу по всей стране.

– Да, конечно, только надо бы, чтобы это случилось как можно быстрее. Как по-вашему, что для нас страшнее всего?

– Ну, если нас кто-нибудь выдаст, случайно или намеренно.

– Нет, сэр, я с этим не могу согласиться. Вам так кажется, потому что вы смотрите на все из Цитадели. А я здесь вижу совсем другую опасность, и она меня постоянно беспокоит.

– Какую, Джефф? Выкладываете.

– Самая страшная опасность, которая все время висит у нас над головой, как дамоклов меч, – это что власти сами начнут нас в чем-то подозревать. Они могут догадаться, что мы не те, за кого себя выдаем, – не просто еще одна идиотская западная секта, годная только на то, чтобы держать рабов в узде. Если им это хоть раз придет в голову, а мы будем еще не готовы – нам конец.

– Ну не стоит нервничать, Джефф. В случае чего вы достаточно вооружены, чтобы без труда пробиться сюда, на базу. Пока вы в одной из их столиц, атомную бомбу они на вас не сбросят, а новый экран над Цитаделью, если верить Кэлхуну, выдержит и атомный взрыв.

– Сомневаюсь. Но даже если и так, то какой нам от этого толк? Ну укроемся мы там и будем сидеть, пока не умрем от старости. Как мы отвоюем страну, если не сможем и носа высунуть наружу?

– Хм... Никак, конечно. Но у нас будет время, чтобы придумать что-нибудь еще.

– Не обманывайте себя, майор. Если они поймут, в чем дело, – мы проиграли, и тогда американский народ лишится своего последнего шанса. По крайней мере, в этом поколении. Нас все еще слишком мало, какое бы там новое оружие ни придумали Кэлхун с Уилки.

– Ну допустим, что вы правы. Но ведь вы знали все это еще до того, как отправились в город. Откуда такая паника? У вас военный невроз?

– Может быть. Но я говорю о той опасности, которую вижу. Если бы мы действительно были религиозной сектой и не имели никакого оружия, они оставили бы нас в покое, верно?

– Правильно.

– Значит, нам приходится как-то скрывать, что у нас есть много такого, чего нам иметь не положено. Вот в этом и есть главная опасность, и мне здесь она хорошо видна. Во-первых... – Томас начал загибать пальцы, забыв о том, что командир его не видит. – Во-первых, этот защитный экран вокруг храма. Без него мы обойтись *не можем*, нельзя допустить, чтобы в храм пришли с обыском. Но то, что он существует, немногим лучше любого обыска. Если какой-нибудь паназиатский начальник вздумает явиться нас проверить, несмотря на нашу неприкосновенность, – спектакль окончен. Я не смогу его убить, но не смогу и допустить, чтобы он вошел в храм. До сих пор мне, слава богу, удавалось заговаривать им зубы и обходиться щедрыми взятками.

– Джефф, но ведь они и так знают, что храм защищен экраном. Знают с того самого первого дня, когда познакомились с нами.

– Думаете, знают? Сомневаюсь. Я припоминаю свой разговор с Десницей – уверен, что тому офицеру, который пытался войти в главный храм, просто не поверили. И готов спорить на что угодно – его уже нет в живых, у них так заведено. Солдат, которые с ним были, можно не считать. Теперь вторая опасность – персональные экраны, которыми защищаемся мы, «священники». Я воспользовался своим только один раз и об этом жалею. К счастью, это тоже был рядовой солдат, который не стал бы об этом докладывать: ему бы никто не поверил и он потерял бы лицо. – Но, Джефф, «священники» не могут ходить без экранов! Нельзя, чтобы хоть один посох попал в руки противника. Я уж не говорю о том, что без экрана эти макаки могут сделать «священнику» укол наркотика, прежде чем он успеет покончить с собой.

– Мне вы об этом можете не говорить, я понимаю, что без экранов нам нельзя. Но и пользоваться ими мы не рискуем, приходится опять-таки заговаривать зубы. Еще одна опасность – нимбы. Это была ошибка, командир.

– Почему?

– Конечно, на суеверных они производят впечатление. Но паназиатские начальники не суевернее нас с вами. Возьмите Десницу – я был у него в нимбе. На него это впечатления не произвело; мое счастье, что он не обратил на нимб особого внимания, – должно быть, решил, что это просто фокус для привлечения верующих. А если бы подумал и решил выяснить, как я это делаю?

– Да, пожалуй, – сказал Ардмор. – Наверное, в следующем городе нужно будет обойтись без нимбов.

– Поздно. Нас здесь официально называют «святые люди с нимбами». Это наша торговая марка.

– Ну и что? Джефф, мне кажется, тебе прекрасно удалось все скрыть.

– Есть еще одна опасность. Не такая непосредственная – она вроде бомбы замедленного действия.

– Да?

– Деньги. У нас слишком много денег. Это вызывает подозрения.

– Но вам же нужны были деньги для работы.

– Уж я-то это прекрасно знаю. Иначе мы не могли бы так далеко продвинуться. Вы знаете, командир, их еще легче подкупить, чем американцев. Для нас это нарушение правил, которое требует осуждения, а для них – неотъемлемая часть их культуры. И слава богу, благодаря этому мы для них вроде курицы, которая несет золотые яйца.

– А почему вы считаете, что это бомба замедленного действия? В чем вообще здесь опасность?

– Вспомните, чем кончилась история с той курицей. В один прекрасный день какой-нибудь умник вздумает поинтересоваться, откуда в курице берется столько золота, и разберет ее на части. Пока что все, кто с нас что-то имеет, смотрят на это сквозь пальцы и норовят хватать, пока дают. Готов спорить, что до поры до времени никто не проболтается, сколько ему досталось. До Десницы, скорее всего, еще не дошло, что у нас, судя по всему, неограниченный запас американских золотых монет. Но когда-нибудь он об этом узнает – вот тут-то бомба и взорвется. Если не удастся подкупить и его – под каким-нибудь благовидным предлогом, – он затеет расследование, которое кончится для нас плохо. И все равно рано или поздно мы наткнемся на такого чиновника, у которого любопытство пересилит жадность. Когда этот день настанет, у нас все должно быть готово!

– Хм... Наверное, вы правы, Джефф. Что ж, постарайтесь сделать все, что сможете, и поскорее наwerbуйте как можно больше «священников». Будь у нас хоть сотня надежных агентов, которые работали бы с людьми так же успешно, как вы, – мы могли бы назначить «день Д» уже через месяц. Но пока что это может занять не один год, и вы правильно говорите, – события могут разыграться раньше, чем мы будем к ним готовы.

– Вы понимаете, почему мне не так просто подыскивать «священников»? Тут нужна не только преданность, они должны уметь морочить людям голову. Я этому научился, когда был хобо. А Алекс не умеет, он слишком честный. Но я уже почти завербовал одного, его фамилия Джонсон. – Да? А что это за человек?

– Раньше торговал недвижимостью и хорошо умеет уговаривать людей. Его бизнес паназиаты, конечно, прикрыли, а в трудовой лагерь он не хочет. Сейчас я его прощупываю.

– Если решите, что подходит, присылайте его сюда. А может быть, сначала я посмотрю на него сам.

– Что-что?

– Я слушал вас и думал, – Джефф, я ведь действительно плохо представляю себе обстановку на местах. Я должен приехать и посмотреть сам. Раз уж мне предстоит командовать парадом, я должен понимать, что к чему. А сидя в этой норе, я отрываюсь от жизни.

– Но я думал, что у нас с вами этот вопрос давно решен, сэр.

– То есть?

– Кого вы оставите исполнять обязанности командира – Кэлхуна?

Ардмор несколько секунд помолчал, потом сказал:

– Идите вы к черту, Джефф!

– А все-таки?

– Ну ладно, давайте об этом не будем.

– Не обижайтесь, командир. Я хотел, чтобы вам все стало ясно, поэтому и говорил так долго.

– Вы правильно сделали. Я хочу, чтобы вы все это повторили, и как можно подробнее. Я посажу Эстеллу и велю ей записать все, что вы скажете. А потом мы из этой вашей лекции сделаем инструкцию для кандидатов в «священники».

– Хорошо, но давайте немного позже, у меня через десять минут служба.

– Неужели Алекс не может даже провести службу?

– Да нет, у него не так уж плохо получается. Его проповеди даже лучше моих. Но это самое удобное время для вербовки, майор: я присматриваюсь к людям, а потом беседую с каждым по отдельности.

– Ладно, ладно, отключаюсь.

– Пока!

На богослужения в храме теперь собиралось множество народу. Томас не обольщался мыслью, что причина этого – особая привлекательность учения о великом боге Моте: уже во время службы вдоль стен накрывали столы, и на них появлялась обильная еда, приобретенная на золото Шира. Тем не менее Алекс справлялся неплохо. На его проповедях Джеффу иногда казалось, что старому горцу в конце концов удалось примирить свою совесть со столь необычной работой, и теперь он как будто проповедовал собственную веру – конечно, с помощью странных символов и не менее странных ритуалов, – но его голос звучал убедительно.

«Если он будет продолжать в том же духе, – сказал себе Джефф, – женщины того и гляди начнут падать в обморок. Надо бы сказать ему, чтобы не так нажимал».

Однако обошлось без неожиданностей, и вот уже зазвучал заключительный гимн. Прихожане пропели его с большим увлечением, после чего дружно направились к столам. Подобрать подходящие мелодии для гимнов долго не удавалось, пока Джеффа не осенила идея написать новые слова к самым обычным патриотическим песням Америки. Теперь стоило прислушаться повнимательнее, и можно было услышать, как те, кто посмелее, повторяют прежние, подлинные слова.

Пока прихожане были заняты едой, Джефф расхаживал среди них, глядя по головке детей, благословляя всех налево и направо и слушая, о чем они говорят. Когда он проходил мимо одного из столов, какой-то человек встал и остановил его. Это был Джонсон, бывший торговец недвижимостью.

– Можно вас на два слова, святой отец?

– Я слушаю, сын мой.

Джонсон дал понять, что хотел бы поговорить наедине. Они выбрались из толпы и остановились у алтаря.

– Святой отец, я сегодня не могу вернуться домой.

– Почему, сын мой?

– Я так и не смог перерегистрировать свою карточку. Сегодня мой последний льготный день. Если я покажусь дома, мне не миновать лагеря.

Джефф строго посмотрел на него:

– Ты ведь знаешь, что слуги Мота не подстрекают к неповиновению светским властям.

– Но вы же не дадите им меня арестовать!

– Мы не отказываем в убежище. Может быть, дело не так плохо, как тебе кажется, сын мой. Если сегодня ты переночуешь здесь, завтра кто-нибудь может взять тебя на работу и перерегистрировать твою карточку.

– Значит, я могу остаться?

– Можешь.

Томас решил, что Джонсона уже можно оставить навсегда. Если подойдет, поедет в Цитадель для окончательной проверки, а если нет – останется служкой в храме: помощников с каждым днем требовалось все больше, особенно на кухню.

Когда прихожане разошлись, Джефф запер двери и проверил все помещение – не остался ли в храме кто-нибудь, кроме постоянных помощников и тех, кому разрешили остаться на ночь. Таких беженцев набралось больше дюжины; к некоторым из них Джефф присматривался, надеясь впоследствии их завербовать.

Когда осмотр был закончен, а храм убран, Джефф выпроводил всех на второй этаж, в спальни, и запер за ними дверь. Он делал так каждый вечер. Алтарю со всеми спрятанными в нем чудесными приспособлениями непрошеное любопытство не грозило – он был защищен отдельным экраном, который включался из подвала, но на всякий случай Джефф хотел быть уверен, что никто к нему не подойдет. Ежевечернее запираание дверей, конечно, сопровождалось священнодействием, смысл которого сводился к тому, что нижний этаж – место святое и находиться там никому не дозволено.

Алекс и Джефф спустились в подвал, заперев за собой тяжелую, окованную железом дверь. Там в большой комнате стояли силовая установка алтаря, аппарат связи с базой и те самые две койки, которые Малыш Дженкинс раздобыл в их первый день в Денвере. Алекс разделся, принял душ и улегся в постель. Джефф тоже скинул мантию и тюрбан, оставив только бороду – теперь она была у него собственная, – надел комбинезон, сунул в зубы сигару и вызвал базу.

Следующие три часа он диктовал под храп Алекса, а потом тоже лег спать.

Проснулся Джефф с каким-то тревожным чувством. Свет не горел – значит, разбудила его не утренняя побудка. Несколько минут он лежал неподвижно, потом протянул руку и взял с пола посох.

Кроме него и Алекса, мирно храпевшего на своей койке, в комнате кто-то был. Джефф был в этом убежден, хотя не слышал ни одного подозрительного звука. Он на ощупь отрегулировал посох, чтобы обе койки оказались внутри защитного экрана, и включил свет.

У аппарата связи стоял Джонсон в каких-то необычных очках сложной конструкции и с инфракрасным фонарем в руке.

– Стой и не двигайся, – тихо сказал Джефф.

Джонсон резко повернулся, сдвинул очки на лоб и несколько секунд стоял, щурясь от яркого света. Внезапно у него в руке появился вихревой пистолет.

– Лежи спокойно, дед, – огрызнулся он. – Имей в виду, это не игрушка.

– Алекс! – позвал Джефф. – Алекс! Проснись!

Алекс сел на койке, готовый действовать, и схватил свой посох.

– Мы оба под экраном, – быстро сказал Джефф. – Возьми его, но не убивай.

– Только шевельнитесь, плохо будет, – предостерег их Джонсон.

– Не делай глупостей, сын мой, – ответил Джефф. – Великий бог Мот хранит своих слуг.

Положи пистолет на пол.

Алекс, не тратя времени на разговоры, крутил ручки на своем посохе. У него никак не получалось то, что нужно: до сих пор Джефф провел с ним всего несколько тренировочных занятий по использованию силовых лучей. Джонсон взглянул на него и после недолгого колебания выстрелил в упор.

Ничего не произошло – энергию выстрела поглотил защитный экран. На лице у Джонсона отразилось изумление; оно еще усилилось мгновение спустя, когда Алекс с помощью силового луча вырвал у него из руки пистолет. – Теперь расскажи нам, сын мой, – сказал Джефф, – почему ты решился нарушить святость храма Мота?

Джонсон обернулся к нему, в его глазах мелькнул страх, но он ответил с угрюмым вызовом в голосе:

– Бросьте вы эту муру про своего Моту. Меня на это не возьмешь.

– Не подобает глумиться над богом Мотом.

– Да бросьте, я вам говорю. Как вы это объясните? – Он показал на коммуникатор.

– Бог Мот ничего никому не объясняет. Сядь, мой сын, и моли его о прощении.

– Еще бы, так я и сел! Нет, я сейчас отсюда уйду. И если не хотите, чтобы сюда нагрянули косоглазые, не вздумайте мне помешать. Я белого человека не выдам, но кто меня тронет, пусть пеняет на себя.

– Ты хочешь сказать, что ты просто вор?

– Лучше придержи язык. Вы тут швыряетесь золотом направо и налево, – конечно, всякому это интересно.

– Сядь.

– Я ухожу.

Он повернулся к двери.

– Придержи его, Алекс, – сказал Джефф. – Только не причини боли.

Задача была непростая, и Алекс замешкался. Джонсон был уже на середине лестницы, когда ноги у него подкосились и он тяжело упал, ударившись головой об угол.

Джефф не спеша встал и надел мантию.

– Присмотри за ним, Алекс, – сказал он. – Я пойду на разведку.

Он поднялся наверх и через несколько минут вернулся. Джонсон лежал без сознания на койке Алекса.

– Ничего страшного, – сообщил Джефф. – Замок в верхней двери был отперт отмычкой, я его снова запер. Там никто не проснулся. Нижний замок придется менять, в нем все чем-то расплавлено. Надо бы защитить эту дверь экраном, я скажу Бобу. – Он взглянул на тело, распростертое на койке. – Еще не пришел в себя?

– Начал было, я вколол ему пентотал натрия.

– Хорошо. Я хочу его допросить.

– Я так и думал.

– Наркоз полный?

– Да нет, доза мала. Ровно столько, чтобы разговорился.

Томас изо всех сил стиснул пальцами мочку уха Джонсона, но тот лишь чуть шевельнулся.

– Почти полный. Должно быть, сильно ударился головой. Джонсон! Ты меня слышишь?

– Мм... Да.

Допрос длился долго. В конце концов Алекс сказал:

– Послушай, Джефф, а нужно нам все это выслушивать? У меня такое чувство, как будто я копаюсь в помойной яме.

– Мне тоже противно, но мы должны знать все, – ответил Джефф и продолжил допрос.

От кого Джонсон получал деньги? Что интересует паназиатов? Как он передавал сведения? Когда следующая связь? Кто еще на них работает? Что паназиаты думают о храме Мота? Знает ли его начальник, что он здесь?

И наконец – что заставило его пойти против своего народа?

Действие укола кончалось. Джонсон уже начинал понимать, где находится, но сдерживающие центры у него были еще отключены, и он выкладывал все начистоту, не заботясь о том, что о нем подумают:

– Должен же человек о себе заботиться, верно? Если ты не дурак, нигде не пропадешь.

– Мы с тобой, наверное, дураки, Алекс, – заметил Томас. Помолчав несколько минут, он сказал: – Кажется, он выложил все, что знает. Теперь надо решить, как с ним поступить.

– Если сделать еще укол, он может рассказать что-нибудь еще.

– Ничего я вам не скажу, не заставьте! – заявил Джонсон, не зная, что уже рассказал все.

Томас тыльной стороной руки ударил его по лицу.

– Заткнись! Сделаем укол – и заговоришь как миленький. А пока помолчи. – Он повернулся к Алексу. – Конечно, есть шанс, что из него можно будет выкачать что-нибудь еще, если

отправить его на базу. Но вряд ли, и к тому же это трудно и опасно. Если нас с ним поймают или если он убежит, пиши пропало. Я считаю, лучше всего покончить с ним прямо сейчас.

Потрясенный Джонсон попробовал привстать, но Алекс с помощью посоха уложил его обратно.

– Эй, о чем вы там говорите? Это же будет убийство!

– Сделай ему еще укол, Алекс, чтобы не мешал.

Хау молча взял шприц. Джонсон сначала пытался увернуться, потом начал биться, но в конце концов укол подействовал. Хау выпрямился. Лицо у него выражало такую же тревогу, как только что – лицо Джонсона.

– Ты действительно собираешься это сделать, Джефф? Если да, то имей в виду – я не подписывался на убийство. – Это не убийство, Алекс. Это казнь шпиона.

Хау закусил губу.

– Не вижу ничего плохого в том, чтобы убить человека в честном бою. Но связать его и потом зарезать, как свинью, – это уж слишком.

– А казнят всегда так, Алекс. Ты когда-нибудь видел, как умирают в газовой камере?

– Но *это* все-таки убийство, Джефф. Мы не имеем права его казнить.

– Я *имею* на это право. Я здесь командир отдельной части, и у нас идет война.

– Но черт возьми, Джефф, его не судил даже военно-полевой суд.

– Суд нужен для того, чтобы установить, виновен человек или нет. Он виновен?

– Ну конечно виновен. Но человек имеет право на то, чтобы его судили.

Джефф тяжело вздохнул:

– Алекс, когда-то я был юристом. Единственный смысл уголовного права западных стран, которое создавалось столетиями, со всеми его тонкостями, – гарантировать, чтобы ни один невиновный не был осужден и наказан по ошибке. Иногда из-за этого остаются на свободе и виновные, но цель-то в другом. У меня нет ни людей, ни времени, чтобы созвать трибунал и устроить формальную судебную процедуру. Но его вина установлена полностью, никакой суд здесь не нужен. И я не намерен ставить под угрозу своих людей и рисковать поражением в войне, которую мы ведем, ради того, чтобы он мог воспользоваться правом на защиту.

Если бы можно было стереть его память, если бы он мог пойти и доложить, что мы просто полоумные святоши и хотим только накормить голодных, – я бы его отпустил. Не ради того, чтобы не пришлось его убивать, а для того, чтобы запутать противника. Но я не могу его отпустить.

– Я не говорил, что его надо отпустить, Джефф!

– Молчи, солдат, и слушай. Если я отпущу его теперь, когда он так много узнал, паназиаты заставят его все рассказать, как это сделали мы, даже если сам он не захочет. Здесь его держать нигде, везти на базу опасно. Я вынужден его казнить.

Он умолк.

– Капитан Томас... – начал Алекс нерешительно.

– Да?

– Вы не хотите вызвать майора Ардмора и спросить его, что он думает?

– Нет, не хочу. Потому что это бессмысленно. Если я буду просить его принять за меня решение, значит я для этой работы не гожусь. И вот что еще я хочу сказать. В тебе слишком много мягкости и сентиментальности. Ты, похоже, считаешь, что Соединенные Штаты могут победить в этой войне так, чтобы никого при этом не тронуть. У тебя не хватает духу даже присутствовать при казни предателя. Я надеялся в скором времени передать тебе здесь командование, но вместо этого завтра же отправлю тебя в Цитадель и сообщу командиру, что тебе ни в коем случае нельзя доверять заданий, требующих контакта с противником. А пока выполняй мой приказ. Помоги оттащить его в ванную.

Губы у Хау дрогнули, но он ничего не сказал. Вдвоем они подняли лежавшего без сознания Джонсона. Еще до «освящения» храма Томас велел разобрать стенку между туалетом и соседней комнаткой и установить там старую чугунную ванну. В эту ванну они и положили тело.

Хау провел языком по губам.

– А почему в ванну?

– Потому что будет много крови.

– Разве ты это сделаешь не посохом?

– Нет, мне понадобится целый час, чтобы разобрать излучатель и вынуть ту схему, которая не дает ему поражать белых людей. И я не уверен, что потом правильно поставлю ее на место. Принеси мне свою опасную бритву и убирайся.

Хау вернулся с бритвой, но не ушел, а стоял рядом, держа ее в руках.

– Тебе когда-нибудь приходилось резать свинью? – спросил он.

– Нет.

– Тогда я лучше тебя знаю, как это делается.

Он наклонился над Джонсоном, взял его за подбородок и откинул ему голову назад. Джонсон захрипел. Хау одним быстрым движением перерезал ему горло, отпустил его голову, выпрямился и посмотрел, как из шеи хлещет кровь, расплываясь лужей. Он плюнул в нее, шагнул к умывальнику и сполоснул бритву.

– Извини, Алекс, я, кажется, немного поторопился с выводами, – сказал Джефф.

– Нет, – медленно ответил Алекс, не поднимая глаз, – не поторопился. Должно быть, просто нельзя так сразу привыкнуть к тому, какая бывает война.

– Должно быть. Ну, давай уберем это.

Хотя выспаться Томасу не удалось, он встал необычно рано, потому что собирался еще до утренней службы сообщить Ардмору, что произошло. Ардмор внимательно его выслушал и сказал:

– Я пришлю Шира, чтобы он поставил экран на дверь подвала. Теперь мы будем в каждом храме устраивать что-нибудь в этом роде. А как быть с Хау? Вы хотите отослать его сюда?

– Нет, – решительно сказал Томас. – Мне кажется, у него в голове уже все встало на место. Он от природы брезглив, но мужества у него хватает. Черт возьми, командир, должны же мы доверять хоть кому-нибудь!

– И вы можете оставить на него храм?

– Пожалуй... Да. Теперь – да. А что?

– Потому что я хочу, чтобы вы отправились в Солт-Лейк-Сити. Прямо сейчас. Я полночи не спал – все думал о том, что вы мне вчера говорили. Вы были правы, Джефф, – я здесь зажилел и стал плохо соображать. Сколько человек у вас сейчас готово к вербовке?

– Тринадцать, без Джонсона. Конечно, в «священники» годятся не все.

– Пришлите их сюда. Немедленно.

– Но я еще не проверил их, командир!

– Я решил изменить порядок вербовки. Проверять их под наркозом будем только в Цитадели. У вас для этого нет подходящих условий. Я поручаю это Бруксу, а сам буду иметь дело только с теми, кого он пропустит. Теперь главная задача «священников» – отбирать возможных кандидатов и отсылать их в главный храм.

Томас подумал.

– А как насчет типов вроде Джонсона? Нельзя же, чтобы они проникли в Цитадель.

– Я об этом подумал – поэтому мы и будем проверять их здесь. Вечером будем давать каждому снотворное, чтобы ни о чем не догадывались. А ночью укол, потом подъем – и на допрос. Если подходит – все в порядке; если же нет – он никогда не узнает, что был допрос, а решит, что проверку прошел.

– Ну и что?

– В этом вся прелесть. Он будет зачислен в служители великого бога Мота, примет обет – а потом мы его загоняем до полусмерти! Он будет спать в келье на голом полу, есть что придется и притом очень мало, проводить в молитвах по много часов в день. Его ждет такая муштра, что у него и случая не будет догадаться, чем мы тут занимаемся. А когда он будет этим сыт по горло, мы с великим сожалением удовлетворим его просьбу о снятии обета – пусть катится к своим повелителям и рассказывает все, что ему вздумается.

– Звучит неплохо, майор, – одобрил Томас. – Просто здорово – и похоже, что это должно сработать.

– По-моему, должно. Таким способом мы сможем извлечь хоть какую-то пользу из агентов, которых к нам подошлют. А после войны выловим их и расстреляем – тех, кто действительно занимался шпионажем, а не просто одураченных. Но это все между прочим, главное – те кандидаты, которые пройдут проверку. Мне нужны новобранцы, и как можно скорее. Несколько сотен, не меньше. Из них я отберу по крайней мере шестьдесят кандидатов в «священники», подготовлю их и всех сразу разошлю с заданиями. Вы убедили меня, Джефф, что тянуть опасно, и я хочу, чтобы мы проникли сразу во все крупные центры расположения паназиатов. Теперь я понимаю, что это наш единственный шанс.

Томас присвистнул:

– Задача не из легких, а, командир?

– Это вполне можно сделать. Вот новая инструкция по вербовке, включите запись.

– Включил.

– Хорошо. К нам сюда следует посылать только тех кандидатов, у которых во время вторжения погибли близкие, или есть другие веские основания полагать, что они будут на нашей стороне при любых обстоятельствах. Явно неуравновешенных следует отсеивать, но тщательный психологический отбор будет проводиться уже в Цитадели. Присылайте кандидатов только следующих профессий: для работы в качестве «священников» – коммивояжеры, специалисты по рекламе, пиарщики, журналисты, проповедники, политики, психологи, психиатры, мелочные торговцы, карнавальные зазывалы, специалисты по подбору кадров, судебные юристы, театральные режиссеры; для работы, не требующей контактов с публикой или противником, – квалифицированные металлообработчики и высококвалифицированные рабочие всех других специальностей: электронщики, ювелиры, часовщики, повара, стенографистки, лаборанты, врачи, портные. Кандидаты второй категории могут быть женского пола.

– А священники нет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.